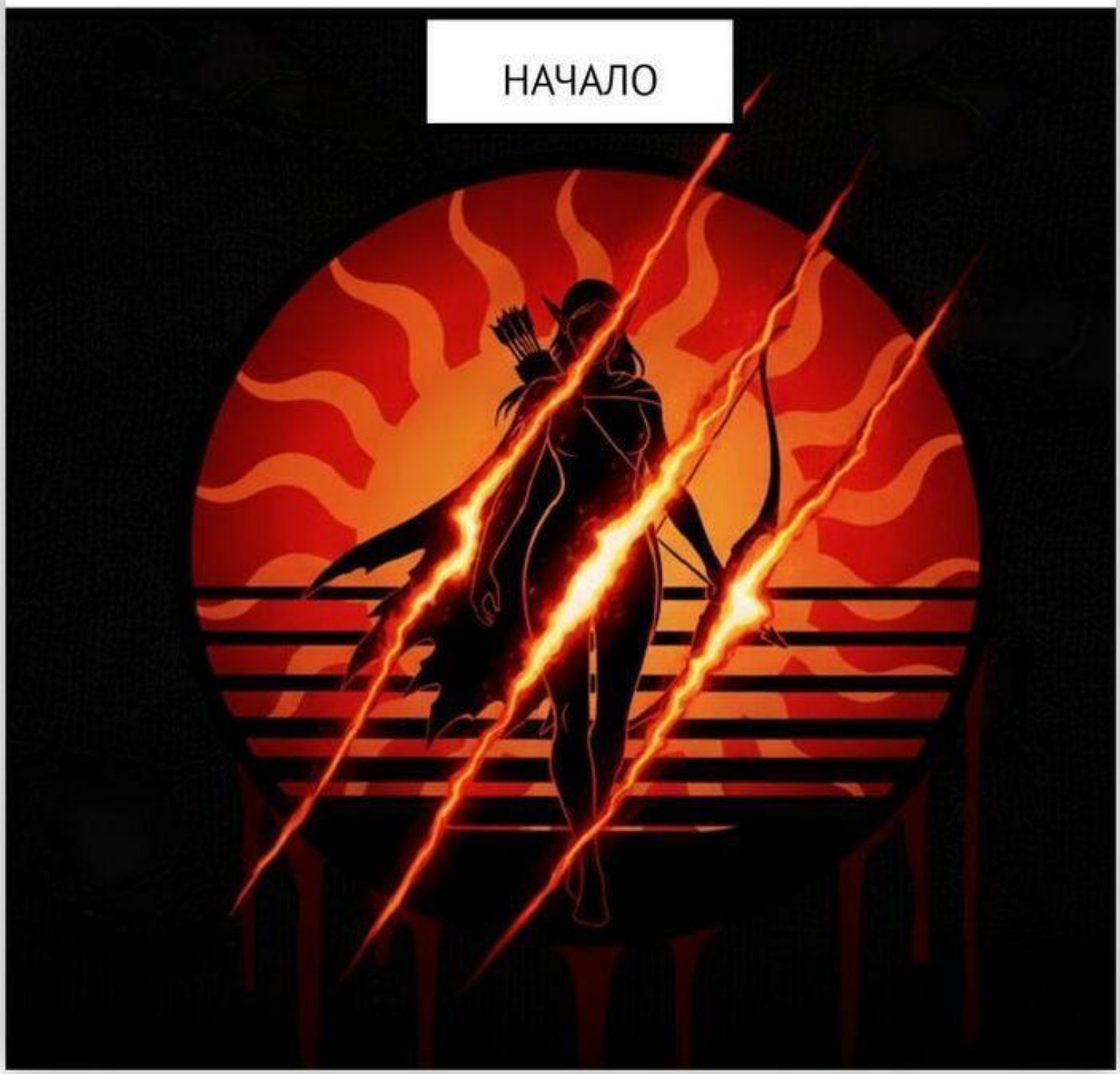
18+

ПАВЕЛ ИВАНЮК

Забытые

Павел Иванюк

Забытые. Начало

«Издательские решения»

Иванюк П. В.

Забытые. Начало / П. В. Иванюк — «Издательские решения»,

374 год эры Разрушений, планета Фаворн.Эльфийка Энаэль и молодой, но весьма амбициозный разбойник отправляются спасать Элен из башни Синода магов в городе Хараста. Преграды на пути и отголоски прошлого заставляют Энаэль усомниться: действительно ли мир вокруг таков, каким кажется?

© Иванюк П. В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава 1 8
Глава 2 20
Глава 3 34
Глава 4 46
Глава 5 67
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Забытые
Начало

Павел Вячеславович Иванюк

© Павел Вячеславович Иванюк, 2026

ISBN 978-5-0071-6084-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Все знают эту легенду. О ней ходят толки во всех уголках Фаворна. О ней спорят, ее обсуждают. Кто-то осуждает то время и события. Кто-то — наоборот. Много перевираний слышалось из уст в уста. Каждое из таких утверждало, что все случилось так, а не иначе.

То, что теперь стало древней легендой, некогда было былью. Спорщиками являлись не только обычные люди: горожане, крестьяне, обычные сплетники. Даже многие ученые современники не упускали возможности посудачить о том, что случилось почти четыре столетия назад, в 374 году эры Разрушений.

Тогда же мир буквально трещал по швам. Фаворн рисковал слиться с Междумирьем. В великой опасности был весь мир. Как сейчас говорят — все шло к тому, что Сириус, который является светилом Фаворна, поглотит и сожжет без остатка все, что можно.

Другие источники указывают на то, что сам Создатель вел какие-то войны с Пантеоном Забытых Богов, манипулируя народами в своей беспечной игре.

Загадкой оставалось, почему с Фаворна в один миг исчезла целая раса эльфов. Никто не мог дать этому объяснения. Они словно растворились в воздухе, оставив других обитателей мира — благородных людей, подземных гномов, пушистых сайфратов, низкорослых хиткапов, воинственных орков и чешуйчатых саркофанов — наедине с ворохом вопросов и нескончаемыми спорами.

Но все говорили о ней. О великой эльфийке, чье имя произносили с трепетом, в большинстве своем.

Биро'Джо-Дар, будучи маленьким сайфратом, часто слышал разное от разных людей. На базаре, пока он и его мама выбирали продукты, в храме Великих Лун, который был пропитан не только благовониями, но и таинственностью былых времен. Да даже дома, тихонько засыпая под шелест сакуры, сайфрат слышал тихие разговоры отца и мамы о былых временах. Чайные церемонии его родителей всегда были очень долгими, и за это время они многое успевали обсудить. Кое-что Биро'Джо-Дар успевал услышать лишь мельком.

В этот вечер в доме было тепло и уютно. За окном сгущались сумерки, окрашивая небо в лиловые тона. Маленький Биро'Джо-Дар лежал в своей кровати, укрытый мягким одеялом, и не сводил глаз с матери, которая сидела рядом, перебирая в руках вышитый пояс.

— Мама, расскажи мне историю, — попросил он, поправляя подушку.

Сайфратка улыбнулась, глядя на сына ласковым взглядом.

— А что, сказки уже не подходят? — промурлыкав, спросила она, и в её голосе прозвучала нотка грусти, — неужели, мой котенок вырос?

— Да, мама, — кивнул Биро'Джо-Дар устраиваясь поудобнее. — я уже слишком большой для сказок. Хочу послушать ту, которую мне рассказал дедушка Иссе`Раджи.

— И что же он тебе рассказывал? — поинтересовалась мама, навострив уши. Ее зрачки стали узкими, а голубая радужка заблестела в свете огней камина.

— Дедушка Иссе`Раджи рассказывал мне про девушку эльфийку. Но он меня только запутал. А еще он старый и от него воняет спиртом!

Мама нахмурилась лишь на секунду. Потом подняла глаза на сына и пригладила его по голове с легкой улыбкой.

— Ах, эта история… Многие рассказывают ее друг другу, но не все знают, что же произошло на самом деле.

Биро'Джо-Дар нетерпеливо поерзал под одеялом, шурша простынями. Ему не терпелось послушать эту легенду из уст матери. Она всегда рассказывала ему потрясающие сказки. Но сегодня он наконец — то услышит то, что все так обсуждают!

— Эта легенда не для маленьких котят, — прищурила взгляд мама, — Не думаю, что ты дорос до нее. А дедушке Иссе`Раджи я потом под хвост надаю.

— Ну мама, ну пожалуйста, — маленький сайфрат сделал вид, что очень обижен, — это же история нашего мира, да? А почему пропали все эльфы? А правда, что наше солнце чуть не сожгло всех?

— Да ты, оказывается, и сам все прекрасно знаешь, — засмеялась Ассари и несильно, а больше нежно приложила пушистую лапу ко лбу сына.

— А эта девушка, эльфийка. Она и правда жила когда-то? — не обращая внимание на реакцию мамы, продолжал Биро'Джо-Дар.

— Ладно, — сайфратка поправила одеяло, чуть подоткнула его и устремила взгляд на камин, — Хорошо, так и быть, расскажу тебе про все, что было на самом деле.

— Ура!

— Тише! Немного сегодня, а остальное, если обещаешь мне уснуть и потом вести себя хорошо.

— Обещаю, мама, — Биро'Джо-Дар снова удобно улегся после того, как с воодушевлением затанцевал, лежа в постели.

Ассари вздохнула, собираясь с мыслями. Поправив одеяло сыну, она начала:

— Много сотен лет назад, когда мир был совсем другим… — её голос зазвучал тише, словно боясь нарушить тишину, которая хранила память о тех событиях. — Когда звезды на небесах были равнозначны…

Биро'Джо-Дар затаил дыхание. Он знал, что это могла быть та самая история, про которую мама всегда упоминала вскользь на рынке, в гостях у кого-то или в тихих разговорах с отцом. Из всех этих перешептываний, он понимал, что в их роду тоже хранится память о великих событиях прошлого, и каждое слово этой легенды имеет свой смысл.

— В те времена жила девушка… — продолжала мать, и её пальцы машинально выводили узоры на одеяле. — Она была не такой, как все. В ней жила сила, о которой она даже не подозревала…

За окном прокричала ночная птица, словно подтверждая правдивость рассказа. Биро'Джо-Дар слушал, впитывая каждое слово.

А мать рассказывала дальше, и с каждым её словом комната наполнялась отголосками давно минувших дней, когда мир был полон чудес и магии, когда судьбы людей переплетались с судьбами богов, и когда решалась судьба целого мира.

Глава 1

Всего лишь встреча

Френдас, 16 числа месяца Последнего Зерна

— Воровка! Стража! Схватите её! Поймайте же, ну!

Энаэль пустилась бежать так, как никогда до этого не бегала. Сердце стучало в груди, словно сейчас выскочит, отдаваясь глухими ударами в ушах. Виски запульсировали, а в лёгких предательски сперло кислород — каждый вдох давался с трудом, будто воздух превратился в вязкую массу. Ноги сами несли её вперёд, минуя узкие улочки, заваленные бочками и корзинами с гнилыми овощами.

Не получилось. Не вышло.

Да и в кошельке той женщины, наверняка, было денег немного. Мелочь — раз монеты звякнули так громко, и в самый неподходящий момент. Этот предательский звон, словно насмешка судьбы, выдал её с головой.

Девушка прорывалась через толпу людей, расталкивая их направо и налево. Кто-то возмущённо вскрикивал, кто-то пытался схватить её за рукав, но Энаэль лишь ускорялась. За ней, гремя тяжёлыми доспехами и шумно дыша, неслись городские стражники. Их тяжёлые шаги отдавались эхом между каменных стен домов, а крики разносились по всему кварталу.

Энаэль со счёта сбилась, какой это уже провал за неделю. Девушка наскоро поправила колчан со стрелами за спиной и потянула лук, висящий на плече, за древко. Каштановые волосы, спутанные в безобразное гнездо, словно у безумной, развевались на ветру. Под ясными голубыми глазами оседали мешки, настолько большие, что, наверное, можно было прятать монетки. Кончик носа был островат, но не настолько, чтобы можно было его стыдиться. Изящный подбородок и мягкий овал лица дополняли немного тонкие губы, которые сейчас были чуть искривлены в лёгкой усмешке — горькой, но упрямой.

— Стой! Стой, именем короля Мэрика! Именем эрла Сонелита Адэйва, остановись! — задыхаясь, пропыхтел стражник где-то далеко позади, чудом перекрикивая уличный гомон.

Энаэль только пронзительно захохотала и, свернув в подворотню, смешалась с толпой. Куда тут стражникам! Ни за что не поймают. Их погоня уже изначально была обречена на провал — доспехи тяжелее, чем одежда девушки: простая накидка с капюшоном и лёгкое одеяние, что держалось на одном поясе. И к тому же, с огромными мечами, болтающимися за спинами и мешающими лавировать между прохожими, бегать беднягам было непросто. А Энаэль всегда ограничивалась луком и десятком стрел, не считая маленького ножичка, заткнутого за пояс.

Девушка выглянула из-за спины какого-то мужчины, что загляделся на лавку торговца. С воплем и ревом стражники пробежали дальше, оставляя Энаэль тихонько хихикать в кулак.

Не обращая внимания на крики и недовольство мужика, которого чуть зацепила локтем, девушка огляделась и, убедившись в безопасности, побрела в сторону таверны — залить свою очередную неудачу элем. Благо тот стоил дёшево, два медяка, а в кошеле Энаэль было целых десять. Хоть что-то.

Толкнув деревянную дверь таверны с вывеской пьяного быка — потрёпанной, с облупившейся краской, — Энаэль устало кивнула бармену и хрипло попросила кружку эля. Тот важно кивнул в ответ и поднёс ей к столу огромную, как ведро, кружку, но деньги не взял.

— Что, неудачный выдался день, а? — Он понимающе кивнул и уставился на девицу, вытирая кружку засаленным полотенцем.

— Не то слово, Барлин… — Энаэль вздохнула, опуская взгляд.

— Может, поешь всё-таки? А то сопьёшься вусмерть ведь.

Энаэль отхлебнула пива и пожала плечами:

— У меня с деньгами туго.

— Какие ещё деньги? Скажи мне, а, дочь? Понабралась там, на своей улице… Жаль, что ты решила идти своим путём, а то мне помощница не помешала бы, — Барлин улыбнулся, поправляя фартук. — Поешь, а то худая, как смерть уже.

— Ну, спасибо-спасибо, — хмыкнула Энаэль. — Да и насчёт должности помощницы, мы же с тобой это обговорили. И не раз. Не моё это всё.

Барлин усмехнулся:

— Я всегда готов помочь, знаешь же, Эни, — он обернулся и негромко прикрикнул: — Белла! Белла, где ты?

Из-за прилавка вышла красивая черноволосая девица лет двадцати и лучезарно улыбнулась при виде Энаэль. Она была родной дочерью Барлина, помогая отцу содержать таверну. Энаэль приходилась сестрой Белле не по крови. Сама Энаэль точно вспомнить не могла, при каких это обстоятельствах она попала в их семью — помнила лишь, что была совсем ребёнком, грязным и голодным, когда Барлин нашёл её на улице. Он заботился об эльфийке, как о родной дочери, пока та не решила идти своим путём — найти своё прошлое. И найти своё призвание.

— Да, папа? — спросила Белла. — Привет, сестрёнка.

Энаэль кивнула девушке в ответ и отхлебнула пива.

— Принеси нашей дорогой Энаэль курочку и овощей каких-нибудь.

— Сию минуту, папа, — Белла улыбнулась и ушла, шурша юбкой.

— И вина не забудь! — крикнул ей вслед отец и обратился к Энаэль: — Она совсем ещё ребёнок. Нет-нет. Ты что, с ума сошла там на своей улице? — добавил он, когда девушка потянулась за кошельком.

— Спасибо, отец, — эльфийка вздохнула. — Ты меня спасаешь.

— А для чего ещё я тогда нужен? — усмехнулся хозяин таверны, достав платок и вытерев ей со щеки грязь. — Ты же вся в пыли, как будто неделю по канавам ползала.

Энаэль мотнула головой:

— Я худшая дочь на всём Фаворне…

— Не говори ерунды, девочка! — Барлин пригладил рыжую бороду и похлопал себя по животу. — Ладно, скоро Белла тебе поесть принесёт, а мне надо к посетителям. Представляешь, в одной комнате на втором этаже двое вусмерть пьяных поспорили друг с другом, кто больше выпьет. Ну и вот… Та комната теперь на неделю закрыта.

— Фу… — помотала головой Энаэль. — Не порти мне аппетит.

Барлин тепло погладил Энаэль по голове и покинул зал.

Через несколько минут Белла принесла ей прожаренную курицу с помидорами и сыром, пару огромных ломтей свежего хлеба и графин вина. От вида еды у девушки закружилась голова, но в то же время резко поднялось настроение. Как же долго она не ела как нормальный человек! От запаха уже текли слюнки, а руки сами тянулись к мясу.

Белла усмехнулась:

— Ты, наверное, очень проголодалась.

— Не то слово, сестра… — Энаэль с жадностью отломила кусок хлеба.

Белла присела рядом с ней, налила вина в стакан и подпёрла руками подбородок.

— Всё в порядке, Эни?

— Да, — кивнула эльфийка, отламывая хлеб. — Но ничего нового. Никаких подвижек в моём вопросе. Надо двигаться дальше, за пределы города.

Рассказывать ей о том, что она попутно учится промыслу карманника, Энаэль не стала. Незачем расстраивать семью Холдинсонов.

Белла обеспокоенно посмотрела на сводную сестру:

— Как это, за пределы? Ты нас бросишь? Бросишь отца, меня?

— Белла, пойми меня правильно, — эльфийка прожевала пищу, запивая вином. — Я хочу понять, кто я на самом деле. Откуда я родом. Узнать своих настоящих родителей. От них у меня остался только этот медальон, — на свет из-под одежды появился серебряный круглый кулон с изумрудом в центре. Вокруг камня раскидывал ветви могучий дуб, а по кругу кулона была выгравирована надпись на эльфийском. К сожалению, Энаэль не могла прочесть эту надпись. И никто в её окружении не знал её родного языка. — Понимаешь? Кто я без своего прошлого?

— Понимаю, — Белла закивала, наливая ещё вина. — Думаю, для меня это было бы тоже важно.

— Единственное, за что я буду переживать, это за тебя и отца. С одной стороны, я хочу пойти за ответами. А с другой — оставлять вас…

Сводная сестра положила ей руку на плечо, глядя на собеседницу с улыбкой:

— Не бойся! Мы не пропадём…

На тарелке, спустя несколько минут, лежали только обглоданные кости птицы. Энаэль шумно выдохнула и сыто улыбнулась:

— Спасибо, Белла. Я бы точно с голоду умерла.

Девушка отмахнулась, собирая поднос со стола:

— Всё в порядке, сестрёнка, — Белла оглядела Энаэль, её взгляд задержался на грязных руках и потрёпанной одежде. — Хочешь умыться? Я бы могла приготовить тебе ванну.

— Было бы здорово, — девушка часто закивала, потирая усталые глаза. — Ты всегда знаешь, чего мне хочется.

— Тогда я побежала, — Белла подхватила поднос. — Как будет готово, сообщу.

И девушка, улыбнувшись, ушла в комнаты, перед этим закинув поднос на кухню. Её лёгкие шаги затихли где-то в глубине таверны, а Энаэль осталась сидеть, наслаждаясь теплом и сытостью.

Она огляделась по сторонам. Таверна «Пьяный бык» была местом шумным, но уютным. Деревянные столы, покрытые царапинами от сотен кружек, массивные дубовые балки на потолке, запах жареного мяса и хмеля, смешивающийся с ароматом свежесваренного кофе. У камина сидели двое стариков, о чём-то оживлённо споря, а у стойки громко смеялись мужики, потягивая тёмный эль.

Двери в таверну вновь распахнулись с громким скрипом, и в помещение вошли трое мужчин. Все были облачены в кожаные доспехи, при оружии. Лица двоих скрывали маски в виде человеческих лиц, застывших в одном выражении, третий же был без оной. Колючие глаза-жуки, крючковатый нос, козлиная бородка. Он окинул зал быстрым цепким взглядом, задержавшись на Энаэль на долю секунды, прежде чем пройти через помещение. Мужчины остановились у дальнего стола, за которым сидел молодой, длинноволосый парень в черном доспехе.

Энаэль честно старалась не подслушивать, но голоса были настолько громкими, что речь доходила и до неё, так что волей-неволей девушка всё слышала.

— Ну и где наши деньги, Фелиций? — заговорил тот, что с бородой, сжимая кулаки. — Мы сделали за тебя грязную работу. Тот торгаш до сих пор зубы собирает свои. А я что-то не вижу реки из золота, что ты нам обещал.

Энаэль подняла голову и пригляделась к парню, к которому обращались. Зеленые, словно изумрудная трава, глаза, смеясь, глядели в кружку, а не на вошедшего. Чёрные, как смоль, волосы были слегка растрёпаны, а тонкие губы чуть скривились в усмешке. Он медленно поднял руку, покрутил в пальцах серебряную монету, затем бросил её на стол.

— Деньги? Ты хочешь денег? — его голос звучал лениво, почти насмешливо.

— Ты же вроде как просил проучить того торговца. И обещал нам отвалить за работу. Сто серебряных, как я помню. Но что-то я пока их не вижу, — разбойник осклабился, положив руку на рукоять меча.

— И не увидишь, — Фелиций откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. — Ты не выполнил договор. Я просил привести мне этого торговца. Целым и невредимым. А ты придумал себе дополнительную задачу, не выполнив поставленную. Вот теперь и плати тоже сам себе за неё. Я, — он отхлебнул из кружки и усмехнулся, — за это платить не стану.

Предводитель шайки побагровел. Его пальцы побелели на рукояти клинка. Он огляделся на товарищей, и те согласно кивнули, доставая оружие.

— Тогда мы вытрясем с твоего трупа все деньги! Бей! — разбойник вытащил из-за спины клинки и…

И больше ничего не успел сделать.

Кружка, из которой пил паренёк, взметнулась в воздух и с грохотом опустилась на голову разбойнику, разбиваясь в черепки. Вино брызнуло во все стороны, заливая стол и пол. Затем парень перевернул стол — тот с треском упал, ударив второго нападавшего по ногам. Пока главный разбойник схватился за голову, Фелиций резко ударил второго кулаком в скулу. Тот отшатнулся, теряя равновесие.

Третий схватился за кинжалы, но в этот момент не вытерпела Энаэль. Вскочив со своего места, она схватила графин с остатками вина и метнула его в третьего бандита. Попала. Осколки вместе с брызгами окропили зал. Разбойник охнул и мягко осел на пол, схватившись за голову.

В таверне воцарилась тишина. Все посетители замерли, глядя на происходящее.

Фелиций медленно поднялся, отряхнул рукава и посмотрел на Энаэль. Его губы дрогнули в улыбке.

— Не стоило вмешиваться, — сказал он спокойно. — Но спасибо.

Энаэль пожала плечами, чувствуя, как адреналин пульсирует в висках:

— Просто не люблю, когда трое на одного.

Парень подошёл ближе, изучая её взглядом — внимательным, цепким, но без угрозы.

— Ты эльфийка, — констатировал он. — И явно не из тех, кто прячется по углам. Как тебя зовут?

— Энаэль, — она выпрямилась, стараясь не показывать усталости. — А ты, похоже, умеешь наживать себе врагов.

Фелиций рассмеялся — звонко, искренне:

— О, это лишь малая часть моих талантов. Может, расскажешь, что такая девушка делает в этой таверне?

Барлин прибежал на шум с мечом, но увидев, что все закончилось, раздосадовано поплелся назад.

— Я, — на секунду Энаэль чуть потерялась в словах, — я тут живу.

— Интересно, — протянул парень, — но тут… Надо что-то с ними делать, — он оглядел бесчувственные тела разбойников и потянулся за одним из кинжалов, висящих за спиной.

— Нет, я думаю, не стоит. — Энаэль поспешила остановить парня, встав между ним и разбойниками, — наличие крови не прибавит этому заведению привлекательности, да и не хочется подставлять хозяев этой таверны.

— Ты права, — парень убрал руку с кинжала. — Ты никогда никого не била, я заметил.

Энаэль пожала плечами:

— Только оленей на охоте или зайцев каких-нибудь. Думаю, нужно их оттащить куда-нибудь подальше от таверны, — она кивнула на бесчувственных разбойников, — пойдем, я знаю, где черный ход. Оттуда можно в канаву закинуть, пусть плывут себе.

— Хорошо. Мы так и…

— О, Создатель! Что тут произошло? — из комнат выскочила Белла и испуганно уставилась на лежащие тела.

Энаэль поспешила ее успокоить:

— Все в порядке, Белла. Сейчас их тут не будет.

— Я… я просто хотела сказать… Ванна готова, Эн.

— Может, пойдем уже, скинем их? — несмело предложил Фелиций.

#######

— Вот здесь пусть полежат, подумают о своём поведении, — как только они скинули в стоки последнего, находившегося в бессознательном состоянии, разбойника, Энаэль повернулась к Фелицию. Она окинула взглядом тёмную яму с мутной водой и добавила с усмешкой: — Тут неглубоко. Перепачкаются только и провоняются… Где ты так драться научился?

Она шутливо ударила кулаком в грудь парню и улыбнулась, чувствуя, как напряжение последних минут постепенно уходит. В воздухе всё ещё витал запах пота и дешёвого вина, а где-то вдали слышались приглушённые крики уличных торговцев.

— Странствовал везде. Опыта набирался от разных людей, — Фелиций пожал плечами и улыбнулся в ответ. Его глаза блеснули в свете заходящего солнца. — Можно сказать даже, улица научила.

Энаэль поправила прядь волос, выбившуюся из-под капюшона, и задумчиво посмотрела на него:

— Может, и меня научишь? Ну, когда-нибудь… Не сейчас, конечно. Я только из лука стрелять и умею. А новое учение всегда пригодится, верно?

— Да без проблем. Научу, если будет возможность, конечно же, — парень обернулся через плечо, поморщившись от запаха канализации. — Давай уйдём отсюда. Поговорим внутри. Стоять возле канализации и общаться с обворожительной дамой — не предел моих мечтаний, если честно.

Энаэль рассмеялась — искренне и легко, впервые за долгое время.

— Согласна, — кивнула она, и они зашагали к таверне, ступая по булыжной мостовой, покрытой пятнами грязи и осенними листьями.

— Так значит, ты отлично стреляешь? — возобновил разговор Фелиций, поправляя ремень с кинжалами.

— Да. Меня мой отец… Барлин научил, — Энаэль на мгновение замолкла, вспоминая, как отчим терпеливо показывал ей, как держать лук, как натягивать тетиву. — Он мастак в обращении с оружием.

— Барлин? Барлин Холдинсон? Хозяин этой таверны? — паренёк поднял брови, удивлённо глядя на неё. — Твой отец? Я думал, у человека не может родиться эльф.

— Он мне не родной отец. Родного я не знаю. Не помню, — Энаэль пожала плечами, опустив взгляд. — Барлин меня удочерил и воспитал, как родную. Он говорил, что привез меня из эльфийских земель.

— Хм, — Фелиций задумчиво кивнул. — Сдается мне, что с тобой будет интересно пообщаться! Эльфийка в землях людей… Не хочешь ли прогуляться? Могли бы сходить в лес. Поохотимся вместе. Ты бы научила меня премудростям стрельбы из лука, а я — премудростям боя на парных кинжалах. Ну… Хотя бы основам.

— Замечательная мысль! — Энаэль оживилась, взволнованно поправляя локон волос. Её глаза загорелись предвкушением. — Когда пойдём? И куда?

— Ну, тут недалеко от Сонелита лес есть — Разбойничий называется. Знаешь?

Энаэль кивнула. Конечно же, она знала этот лес. Ещё будучи ребёнком, она, тайком от Барлина, брала с собой его огромный лук, несколько стрел и отправлялась в чащобу, выслежи-

вать мелкую дичь. Попутно она изучала этот лес, углубляясь с каждой вылазкой всё дальше. Об этом знала только Белла, которая до сих пор хранит эту детскую тайну.

— Отлично! Там и поохотимся. И побеседуем. Ну и потренируемся… — Фелиций улыбнулся, и в его глазах мелькнуло что-то, чего Энаэль пока не могла разгадать.

Они дошли до входной двери таверны. Фелиций галантно приоткрыл створку двери для девушки, слегка поклонившись:

— После вас, леди.

Энаэль проскользнула внутрь, чувствуя, как по спине пробежала лёгкая дрожь — то ли от прохладного вечернего ветра, то ли от чего-то ещё.

— Я согласна, — она обернулась и улыбнулась. Про себя отметила, что впервые за несколько недель начала по-настоящему улыбаться.

Может, этот Фелиций на неё влияет. Кто знает. Знакома она с ним всего-то полчаса.

— Готовь себе лук и хотя бы десяток стрел. Завтра увидимся за завтраком здесь. В зале таверны, — добавила она после небольшой паузы.

— Сходим завтра утром, а вот увидимся уже сегодня за ужином, — парень пожал плечами. — Я комнату снял на неделю здесь. Да и, признаться, не прочь ещё раз попробовать тот эль, что пил. Он был неплох.

Энаэль рассмеялась:

— Тогда до вечера, учитель парных кинжалов.

— До вечера, мастер лука, — подмигнул Фелиций.

Они вошли в таверну, где уже начинали собираться вечерние посетители. Барлин, заметив их, одобрительно кивнул, а Белла, выглянув из-за прилавка, улыбнулась сестре, словно догадываясь о чём-то важном, что только что произошло между ними.

#######

После принятия душистой, пенистой и горячей ванны Энаэль чувствовала себя обновлённой и свежей, словно заново родившейся. Тёплая вода смыла усталость, грязь и тревоги последних дней, оставив после себя ощущение лёгкости и чистоты. Волосы пахли цветами — Белла добавила в воду лепестки жасмина и розы, — лицо распарилось, и щёки пылали бледно-бордовым румянцем.

К тому же Белла не пожалела немного своей чудо-пыльцы и сделала тени вокруг глаз Энаэль. Вооружившись тонкой щёточкой, сводная сестра подвела ресницы эльфийки какой-то чёрной пастой, которую все девушки из знатных семей называли «тушью». После этой туши ресницы словно ожили — стали объёмнее и пышнее, подчёркивая голубой оттенок глаз. В заключение Белла нанесла лёгкий румянец с помощью какого-то порошка с едва уловимым ароматом лаванды. Энаэль никогда не разбиралась в косметике, поэтому не могла сделать всего этого сама — для неё все эти баночки и кисточки были чем-то загадочным и непривычным.

— Может, придумаем тебе новую причёску? — Белла крутилась вокруг Энаэль уже час с лишним, наводя красоту. Её пальцы ловко перебирали пряди, то закручивая их, то отпуская.

Энаэль пожала плечами. Причёски она никогда не носила, считая это неудобным — каждый раз поправлять её в исходное положение, особенно во время вылазок в лес, было сущей мукой. Но Белла всю подростковую жизнь уговаривала её на эксперименты с волосами. Так что волей-неволей Энаэль порой ходила с пышными локонами или косами с заплетёнными в них лентами — правда, ненадолго: уже через час она обычно расплетала всё и собирала волосы в привычный хвост.

— А может, просто сделаем хвостик? Ну, как обычно я ношу, — уже в который раз Энаэль умоляюще поглядела на сводную сестру, слегка наклонив голову.

— Такие прекрасные волосы… Я бы сделала с ними большее, чем просто хвостик, — Белла покрутила в пальцах локон, любуясь его блеском в свете лампы. — А ты каждый раз так.

— Зато удобно, — Энаэль улыбнулась, чуть пожав плечами. — И не мешают, когда нужно бежать или стрелять из лука.

В итоге Белла уступила. Она собрала волосы Энаэль в конский хвост — аккуратно, но не слишком туго, чтобы не сильно стягивало. Несколько свободных прядей она оставила у висков, придав образу лёгкую небрежность. Очень удобно: не лезут в глаза и не мешают при беге, да и в бою не станут помехой.

Когда дочь хозяина таверны принесла зеркало, эльфийка себя не узнала. Перед ней стояла девушка, которую она видела разве что в детских мечтах: ухоженная, с сияющей кожей, выразительными глазами и нежным румянцем. Словно принцесса из сказки, она улыбалась своему отражению и была поражена. Вот она — ухоженность, какой должна быть. И ей, чёрт возьми, это нравилось. Впервые за долгое время Энаэль почувствовала себя не просто уличной воровкой.

— Спасибо тебе, Белла, ты мастер. Как обычно, — всё ещё восхищённо произнесла девушка, касаясь пальцами своих щёк. — И почему ты ещё не уехала в Нолатэ? Там любая светская дама захотела бы взять тебя в качестве косметолога.

— Папа не пустит, и ты это знаешь, — вздохнула дочка хозяина таверны, убирая кисточки и баночки в шкатулку.

— Я могу поговорить с ним, — Энаэль чуть расслабила резинку на волосах, позволяя нескольким прядям свободно упасть на плечо.

— Не нужно, Эни. Мы уже это обсуждали. Я нужна здесь, — Белла убрала зеркало в сторону и повернулась к сестре. В её глазах читалась спокойная уверенность. — А этот твой друг… Он симпатичный. И сильный. Почему тебе всегда везёт на мужчин?

— Он не мой друг. Мы сегодня впервые увиделись, — Энаэль пожала плечами, но лёгкая улыбка всё равно тронула её губы. — Хотя да, он симпатичный.

Белла никогда не завидовала Энаэль. Просто не умела завидовать. Но она всегда хотела с кем-нибудь свести сестру, встречая в таверне то одного «красавчика блондина», то другого «пылкого брюнета». Да только всё было безуспешно: Энаэль всегда отмахивалась от её кандидатов на руку и сердце. А Белла всё не оставляла своих попыток — не из назойливости, а из искреннего желания видеть сестру счастливой.

— Только, пожалуйста, давай без сватовства, — усмехнулась эльфийка, вставая со стула и облачаясь в бирюзовое платье, которое Белла заранее приготовила. Ткань мягко облегала фигуру, подчёркивая стройность, но не сковывала движений.

— Нет-нет, — махнула рукой Белла, с улыбкой наблюдая за сестрой. — Ты справишься без меня. Но если вдруг передумаешь…

— …ты будешь первой, кому я скажу, — закончила за неё Энаэль, рассмеявшись. — Спасибо ещё раз. За всё.

Белла подошла и обняла её крепко, по-сестрински:

— Всегда пожалуйста, Эни. И помни: ты прекрасна. Всегда.

Энаэль на мгновение замерла в объятиях сестры, ощущая тепло и поддержку, а затем улыбнулась шире — искренне и светло. Впервые за долгое время она чувствовала себя не просто выживающей, а живой.

#######

На следующее утро все, кто был в таверне, были, мягко говоря, удивлены, когда Энаэль спускалась по ступеням вниз.

Девушка шла медленно, чуть касаясь рукой резных перил, и в свете утреннего солнца, пробивающегося сквозь запылённые окна с цветными витражными вставками, её образ казался почти нереальным. Бирюзовое платье струилось при каждом шаге, подчёркивая стройную фигуру, а пояс из остролиста с мелкими серебряными листьями мягко поблескивал. Изящные туфли на низком каблуке едва слышно стучали по старым деревянным ступеням, покрытым узором из трещин и царапин от времени.

Косметика, вопреки опасениям девушки, не стёрлась за ночь и даже не размазалась по подушке. И пыльца, и пудра, и тушь — всё держалось так, словно макияж был нанесён только что. То ли сама косметика была просто чудо-стойкая, то ли Белла сотворила настоящее волшебство. Энаэль и сама не могла объяснить. Она невольно коснулась пальцами щеки, проверяя, не осыпалась ли пудра, — но всё было на месте.

Несколько стражников, сидевших у окна за кружками эля, застыли с открытыми ртами. Один из них даже забыл поднести кружку ко рту, и тёмная жидкость медленно стекала по его подбородку. Ещё чуть-чуть — и потекут слюнки. Бородатый маг, до этого с усталым видом поедавший кашу из глиняной миски, замер, заглядываясь на молодую девушку. Ложка, замерев в руке на секунду, выпала из пальцев, расплёскивая своё содержимое по столу и оставляя на скатерти коричневые пятна. Маг даже не заметил этого — он продолжал смотреть на Энаэль, забыв обо всём на свете.

Барлин, стоявший за стойкой и протиравший бокалы льняной тряпицей, усмехнулся в усы. Он окинул дочь долгим взглядом, и на его лице проступило что-то вроде гордости. Хозяин таверны слегка приосанился, поправил фартук и едва слышно пробормотал:

— Вот это да… Это моя дочка!

Казалось, ещё немного — и он действительно выпятит грудь и произнесёт эту фразу вслух, чтобы все услышали.

Фелиций на миг поднял глаза — и замер. Его взгляд остановился на эльфийке, задержавшись на каждом элементе её нового облика: на блеске волос, уложенных в аккуратный хвост, на изящной линии шеи, на лёгкой улыбке, тронувшей губы. Он невольно провёл рукой по своим волосам, поправляя их. В какой-то момент их взгляды встретились и не отрывались друг от друга, пока девушка не подошла и не присела за его стол, слегка шурша юбкой платья.

— Привет, — произнесла она, слегка улыбнувшись и чуть склонив голову.

— Привет, — Фелиций усмехнулся, всё ещё не в силах отвести взгляд. Он на мгновение растерялся, потом собрался с мыслями. — Ты… ты отлично выглядишь. Просто шикарно.

— Спасибо, — Энаэль чуть покраснела, но тут же взяла себя в руки, стараясь не показать, как приятно ей слышать эти слова. — Ну что, готов идти в лес?

Фелиций заулыбался, машинально поправляя ремень с кинжалами:

— Ну конечно, готов. Лук раздобыл вот, стрел десяток. Только вот… — он замялся, бросив взгляд на её наряд, и слегка наклонился вперёд, понизив голос: — Ты действительно хочешь идти на охоту в платье? Не жалко тебе его? И туфли… Неудобно, поди, в таком облачении ходить по лесу. Да и ветки там, колючки…

Энаэль прекрасно знала это. Знала, что в таком виде в лес не сходить. И хотела рассердиться. Честно, хотела. Она ведь так долго наводила красоту, да и не для абы кого, а для него. Но не смогла — вместо этого только кивнула и спросила, стараясь говорить непринуждённо:

— У тебя есть вариант, в чём мне идти? У меня есть старый плащ и новомодное платье нищенки.

— Множество, — подмигнул Фелиций, откинувшись на спинку стула. — Хочешь себе доспех и сапоги — пошли к кузнецу. Могу даже кольчугу подобрать — будет тебе и защита, и стиль.

Энаэль покачала головой, опустив взгляд на свои изящные туфли:

— У меня нет денег.

Фелиций усмехнулся и тихо произнёс, наклонившись ближе:

— Они тебе не понадобятся.

Он встал, жестом пригласил её следовать за собой и направился к выходу. Энаэль на мгновение замерла, глядя ему вслед. В груди разливалось странное чувство — смесь любопытства, тревоги и предвкушения чего-то нового. Она оглянулась на Барлина, который одобрительно кивнул ей, и на Беллу, которая незаметно подмигнула из-за прилавка.

Затем Энаэль вздохнула, поправила пояс, расправила плечи и пошла за ним, стараясь не обращать внимания на восхищённые взгляды посетителей таверны. Где-то в глубине души она понимала: этот день может стать началом чего-то важного.

У двери Фелиций обернулся и улыбнулся:

— Не переживай, — сказал он. — Я знаю одно место, где можно раздобыть подходящую одежду. И поверь, в ней будет куда удобнее лазить по лесу, чем в этом чудесном наряде.

Энаэль не смогла сдержать ответной улыбки:

— Веди, учитель парных кинжалов.

— Только после вас, мастер лука, — подмигнул Фелиций, открывая дверь и пропуская её вперёд.

#######

Кузнеца Сонелита звали Вейрин. Местный мастер славился на весь город — он изготавливал отличное оружие и броню для искателей приключений, опытных воинов и даже для городских стражников. Каждое его изделие дышало силой: мечи сверкали безукоризненной заточкой, латы ловили солнечные блики безупречной полировкой. Вейрин не только ковал — он и торговал своими товарами прямо при мастерской, где над входом висел массивный железный молот, символ его ремесла. В помощниках у него был один славный малый, имени которого Энаэль не знала: тот то носил угли, то раздувал меха, то подтаскивал заготовки — вечно в саже и поту, но с весёлой улыбкой.

По пути в лавку кузнеца Фелиций возбуждённо излагал свой план Энаэль. Он размахивал руками, глаза его горели азартом, а голос звенел от предвкушения. План был прост: девушка должна была отвлекать внимание лавочников и прочих горожан, в то время как Фелиций взломает сундук кузнеца и вытащит оттуда доспех и сапоги. Энаэль сомневалась в успешности этого мероприятия — слишком уж всё выглядело шатко, слишком много «если». Но убеждение и уговоры парня взяли верх: его уверенность казалась почти заразительной, хотя в глубине души эльфийка всё равно не могла избавиться от тревоги.

— И что мне им сказать такого, чтобы все обратили на меня внимание? — усмехнулась Энаэль, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Да что угодно, — закатил глаза авантюрист, будто удивляясь её нерешительности. — Хотя, стой. На, вот, — в протянутую руку Энаэль Фелиций вложил небольшой пузырёк с красновато-жёлтой жидкостью, мерцающей в лучах солнца.

— Что это?

— Эликсир молодости, — хмыкнул парень, подмигивая. — Для зрителей, конечно же. Для тебя и меня — настойка-противоядие. Закати им там представление, я на тебя рассчитываю. Не сомневаюсь, что выйдет как надо.

Энаэль сжала пузырёк в ладони. Стекло было прохладным, почти успокаивающим, но тревога не отступала.

— Вейрин может меня узнать, — засомневалась эльфийка, поглядывая на кузнеца, который мощными ударами молота отбивал белую от жара сталь. Девушка представила себя на месте этой стали — раскалённой, беспомощной под тяжёлым молотом. Стало вмиг неуютно, по спине пробежал холодок.

— Да тебя никто в таверне не узнал, хотя ты живёшь там всю свою жизнь, — продолжал убеждать её Фелиций, его голос звучал уверенно, почти небрежно. — Только лук и стрелы пока что мне отдай. Они тебя могут выдать.

Эльфийка лишь усмехнулась, протягивая ему своё оружие. Она задержала взгляд на изящной резьбе на древке — каждый изгиб был ей знаком, каждая трещинка напоминала о долгих годах тренировок.

— Ладно. Только долго там не копайся. И, — она придержала свой лук на секунду, глядя в глаза парню, — аккуратнее с ним. Это семейная ценность.

Фелиций кивнул, забрал оружие и подмигнул Энаэль. После чего шепнул:

— Начинай, — и скрылся в толпе, растворившись среди прохожих так быстро, что эльфийка на мгновение засомневалась, не привиделся ли ей весь этот разговор.

Девушка огляделась по сторонам. Десятка два горожан неспешно занимались своими делами: кто-то выбирал мясо у лавки мясника, кто-то рассматривал украшения в лавке с драгоценностями. Двое стражников, снующих туда-сюда по площади, перебрасывались шутками. Всё это — её зрители. Зрители спектакля, который она сейчас устроит. Сердце забилось чаще, ладони слегка вспотели.

Энаэль глубоко выдохнула, убирая дрожь. Она закрыла глаза на мгновение, представляя, как должна выглядеть настоящая чародейка — величественная, уверенная, почти божественная. Затем произнесла желанным голосом так громко, насколько могла:

— Внимание! Внимание-внимание! Слушайте все!

Горожане с удивлёнными лицами начали подходить к её импровизированному помосту. Стража остановилась, глядя на неё с любопытством. Лавочники начали выходить из-за прилавков, перешёптываясь. В том числе и кузнец Вейрин, бросивший свой молот в сторону и вытиравший руки о кожаный фартук.

— Слушайте все! Слушайте, — она поглядела далеко вперёд и заметила, что Фелиций уже ковыряет замок сундука отмычкой. — Я из гильдии магов, из башни Синода магов на островах Риверейского океана. Я помощница Первого чародея Ирвинга, Сарина, пришла на Арамас. Я путешествую по всем городам и странам Фаворна, чтобы рассказать о чуде, которое мы изобрели из нашего особого набора трав и минералов, — она извлекла на свет баночку с зельем, и та заиграла красноватыми бликами на солнце. — Представляю Вашему вниманию — зелье вечной молодости! Всего один глоток — и вы никогда не постареете, а если Вы старик и примете наше снадобье, то омолодитесь снова!

Энаэль опять глянула на Фелиция, который уже выносил за угол кожаный нагрудник. Затем оглядела своих зрителей, которые отнюдь не расходились по своим делам, а наоборот, возбуждённо загудели, что-то доказывая и кивая друг другу.

— Уже много пробных образцов прошлось по многим городам Фаворна, и наконец мы явились на Арамас! Все, кто уже опробовал наши образцы, отметили качество и полезность нашего омолаживающего эликсира! Сейчас и только сейчас предлагаю Вам купить это снадобье для себя и своей семьи! Гильдия магов башни Синода магов Риверейского океана постановила начальную цену этой порции — пятьдесят золотых!

Глупо было, конечно, надеяться на то, что эта схема сработает, очень глупо. Её, как минимум, могли схватить стражники, потому как она совсем не была похожа на мага — ни посоха, ни мантии. Какой ещё Первый чародей Ирвинг послал бы её одну, в платьишке, да ещё и через всё западное полушарие Фаворна? И всё это только для того, чтобы похвастаться одной бутылкой бесценного зелья на весь Арамас? Бедный, глупый Первый чародей Ирвинг…

«И глупый Фелиций, — мелькнуло в голове у Энаэль. — Неужели он правда верит, что всё пройдёт гладко? Что я смогу одурачить целую площадь? Что никто не заметит подвоха?» Она почувствовала лёгкий укол стыда и разочарования в новом знакомом — его беспечность казалась теперь не отвагой, а наивностью, граничащей с безрассудством.

Но, несмотря на опасения Энаэль, суматоха и неразбериха поглотила площадь. Богачи потрясали своими кошельками, крича свою цену, бедняки пытались вырвать мешочки с монетами у этих же богачей. Тут же подтянулась стража, которая начала разнимать дерущихся за возможность приобрести новинку. Помощница Первого чародея — Сарина, она же Энаэль, принимала ставки, перекрикивая шум толпы.

— Сто золотых? Принято! Сто пятьдесят? Замечательно! Двести золотых!.. Новый покупатель… — на этих словах она замолчала, потому что заметила, как к ней, расталкивая толпы орущих и дерущихся горожан, настойчиво и неудержимо шёл Вейрин. Тот самый кузнец.

Энаэль запаниковала. В голове пролетела мысль, что кузнец узнал её и сейчас расшибёт её в лепёшку. Но лицом свои опасения никак не выдала. А когда массивное тело кузнеца закрыло ей солнечный свет, встав прямо перед нею, эльфийка и вовсе спокойно произнесла:

— Итак, Ваша цена?

— Здесь триста золотых, — он протянул девушке массивный мешочек с деньгами, и, взяв из рук Энаэль бутыль, неторопливо развернулся и ушёл.

— Да благословит Вас Создатель, — запоздало произнесла Энаэль, а затем рассеянно засунула мешочек себе за пазуху, благо он туда влез. Она никогда таких огромных денег в руках не держала. Да и не рассчитывала она вообще продать этот «эликсир». Но всё вышло, и её не раскрыли. Это просто чудо. И еще, наверное, большая удача.

Драка на площади постепенно утихала.

— Расходитесь! Расходитесь! Здесь не на что больше смотреть! — городские стражники, наконец, утихомирили народ и теперь выгоняли остатки толпы. — А ты, магичка, иди отсюда, чтобы мы тебя больше не видели. Разводят они тут, понимаешь, цирк. А нам потом людей примирять.

— Да-да, конечно, сохрани нас всех Создатель, — Энаэль торопливо сошла с помоста и направилась в улочку, куда Фелиций таскал куски доспехов. В её голове всё ещё крутились мысли: «Как это вообще сработало? Неужели люди настолько доверчивы? Или это я оказалась лучше актрисой, чем думала?»

#######

— Ну ты и представление закатила! Они что, правда купились? — Фелиций не мог остановиться смеяться, когда Энаэль рассказала ему всё в подробностях. Его плечи подрагивали, а в глазах плясали озорные искорки.

— Да. А кузнец его купил, — Энаэль закрепила ремешки нагрудника сбоку и теперь аккуратно натягивала крепёжи нагрудника и кожаной юбки, скрепляя их вместе. Движения её были точными и выверенными, хотя она облачалась в подобные одежды впервые.

— Купил? И сколько он отдал? — ошеломлённо проговорил Фелиций, подавшись вперёд. Его брови взлетели вверх, а смех на мгновение затих.

Энаэль молча пихнула пяткой мешочек с монетами, который выложила, пока снимала платье, аккуратно сложив его на дно колчана со стрелами. Кожаный мешочек глухо стукнулся о дерево, а затем раздался тихий звон — монеты зашевелились внутри. Фелиций замер, затаил дыхание и медленно опустился на корточки, чтобы разглядеть сокровище.

— Чтоб я сдох… Сколько тут? — прошептал он, проводя пальцами по туго затянутому шнурку.

— Три сотни золотом, — спокойно ответила Энаэль, застёгивая последний ремешок. — Твой эликсир теперь пользуется спросом. Я так думаю, если новость дойдёт до эрла, а там и до короля, люди организуют экспедицию в Риверейский океан за зельем, — она хмыкнула, отступая на шаг и оценивающе оглядывая свою работу. — Готово, можешь повернуться.

Фелиций осторожно уложил кошель в колчан, будто боялся, что монеты рассыплются, и повернулся к подруге. Его глаза расширились от восхищения.

— Недурно. Тебе очень идёт, кстати, — он невольно присвистнул и сделал шаг назад, чтобы охватить взглядом весь образ целиком. — А ну-ка, покрутись. Шикарно!

Энаэль оглядела себя: доспех сидел на ней как влитой, не стеснял движений и, ко всем прочим достижениям, был очень даже неплохо выделан. Основной материал — выдубленная кожа, ремешки и крепёжи были сделаны из сыромятных полос. Даже сапоги пришлись впору. Орнамент вдоль краёв выдавал эльфийскую работу — тонкие завитки, словно сплетённые из лунного света.

— Наверное, он был изготовлен на заказ, раз кузнец держал его в сундуке под замком, — предположил Фелиций, осторожно проводя пальцем по узору. — Видно, что вещь редкая.

— Похоже на то, — кивнула Энаэль. — И гляди, похоже, что для какой-то женской персоны. Мужиков на Арамасе с такими пропорциями нет, это точно.

— Ну, может, для могучего воина-хиткапа какого-нибудь, — засмеялся спутник, хитро прищурившись. — А что? Тогда пропорции вполне совпадают.

Эльфийка выпучила глаза, оскорблённая до глубины души. Её щёки вспыхнули, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Ах ты, маленький… — начала она, делая шаг вперёд.

— Всё-всё, шучу, — попятился парень, заметив, что Энаэль напирает на него с кулаками, и поспешно поднял ладони в примирительном жесте. — Шучу я. Извини.

Энаэль на мгновение задержала взгляд на его виноватой улыбке, затем медленно опустила руки и шумно выдохнула. Уголки её губ дрогнули.

— Всё, идём уже охотиться, — сказала она, но в голосе уже не было гнева.

Они вышли за пределы города и направились к лесу. Солнечные лучи пробивались сквозь листву, рисуя на земле причудливые узоры. Фелиций шёл чуть позади, бросая взгляды на подругу. К его удивлению, Энаэль уже улыбалась — лёгкая, почти незаметная улыбка играла на её губах, а глаза блестели от предвкушения приключения.

— Что? — она поймала его взгляд и слегка приподняла бровь.

— Ничего, — Фелиций усмехнулся и прибавил шаг, чтобы идти рядом. — Просто рад, что ты не сердишься.

Девушка лишь фыркнула в ответ:

— Надеюсь, это первая и последняя афера, в которой я участвую…

— Обещаю тебе, Энаэль.

Глава 2

Кровь на кончике лезвия

Акрас, 17 числа месяца Последнего Зерна

Опушка леса Разбойничий встретила Энаэль и Фелиция теплом и ароматом свежей хвои. Солнечные лучи пробивались сквозь густые кроны елей и сосен, рисуя на земле причудливые узоры из света и тени. Воздух был наполнен запахом смолы, влажной земли и полевых цветов, которые росли вдоль тропинки. Высокие деревья, тянувшиеся к небу, отгораживали парочку от посторонних глаз, давая возможность воплотить их план — потренироваться и поговорить наедине.

В высоком голубом небе кружили птицы, суетливо щебеча, словно ругаясь друг с другом. Лёгкий ветерок играл с ветвями, заставляя их слегка покачиваться и ронять на землю золотистые иголки. А где-то в нескольких метрах от стоянки Энаэль и Фелиция шумел прохладный ручей — его мелодичное журчание смешивалось с птичьими трелями, создавая умиротворяющую мелодию. Вода струилась по гладким камням, иногда подхватывая и унося за собой маленькие веточки и лепестки цветов.

Фелиций расстелил на траве потрёпанную походную накидку, чтобы не испачкать одежду, и с довольным вздохом опустился на неё. Он похлопал рядом с собой, приглашая Энаэль присесть.

— Смотри, вот это я стащил у кузнеца, помимо доспехов, — Фелиций вытащил из своей походной сумки пару изогнутых клинков в виде полумесяца. Эфесы были выделаны серебром, с острым концом на вершине. — Это Д`ар-Мису — эльфийские клинки, которые обычно делаются из сильверита. А сильверит — материал достаточно крепкий, чтобы рубить стальные доспехи.

Он с гордостью поднял оружие к свету — лезвия заиграли серебристыми бликами, а гравировка вдоль обуха засияла таинственными рунами, которые, казалось, пульсировали едва заметным светом.

— Красиво… — прошептала Энаэль, невольно заворожённая видом.

— И опасно, — добавил Фелиций с ухмылкой. — Но ты не бойся, я буду рядом.

— Стоп-стоп, — подняла руки Энаэль в возмущении. — Я людей убивать не собираюсь. Мне это нужно для общего развития. Ну, знаешь, самооборона, на случай чего. Или просто ради души — помахать ими в одиночестве.

Она нервно поправила прядь волос, упавшую на лицо, и посмотрела на Фелиция с лёгким вызовом.

Тот вздохнул:

— Знаешь, в жизни бывает всякое. И то, что я тебе расскажу, может тебе пригодиться не хуже, чем, например, умение читать, — он поиграл кинжалами, сражаясь с невидимым врагом. — Идеальный баланс, прекрасное пробитие и, — парень взвесил клинки на руках, — идеально лёгкие. Попробуй!

Энаэль с неохотой протянула руки к оружию. Кинжалы и впрямь оказались очень лёгкими, идеально ложились в руку, рукоятка не скользила. Сами лезвия оказались длиной с её локоть, так что рассчитывать на равный бой против двуручного меча смысла не было. Но в остальном это оказались очень красивые, надёжные клинки.

Девушка провела пальцем по гравировке, ощущая едва заметные углубления. Металл был прохладным на ощупь, но через мгновение словно начал отдавать тепло, будто отзываясь на прикосновение.

— Интересно, откуда у Вейрина эльфийское оружие и доспехи, — прокомментировал Фелиций, оглядывая Энаэль с ног до головы. — Не было на Арамасе эльфов. Насколько я знаю, люди и эльфы в вечной холодной войне.

— А я тебе кто? — насупилась Энаэль и поднялась на ноги, неуклюже махая кинжалами по очереди. — Может, я — исключение?

— Не так, — проигнорировав её вопрос, Фелиций выхватил свои кинжалы из-за спины и продемонстрировал Энаэль несколько движений, напоминающих танец. Только этот танец состоял из рваных и резких выпадов, уклонений и рассекающих воздух ударов. Он двигался плавно, но стремительно, лезвия мелькали перед глазами, словно серебристые молнии.

Каждое движение Фелиция было отточенным, выверенным до миллиметра. Он крутился, делал подсечки, менял хват, перебрасывал кинжалы из руки в руку — и всё это с непринуждённой лёгкостью.

— Хм, — эльфийка, словно зеркало, решила повторять за движениями парня.

Сначала получалось неуклюже, даже смешно. Она то слишком широко замахивалась, то теряла равновесие. Фелиций терпеливо поправлял её:

— Локоть выше, кисть расслабь. Вот так. Теперь шаг в сторону, поворот корпуса… Дыши ровно, не задерживай дыхание. Представь, что ты танцуешь с ветром.

Энаэль старалась следовать указаниям. Она закрыла глаза на мгновение, прислушалась к шуму леса, к журчанию ручья, к своему дыханию. Спустя несколько попыток движения стали получаться легче, плавнее. Словно тело давно знало все, а теперь лишь вспоминало утраченное.

Через несколько часов она уловила, что кинжал — как продолжение руки. Куда взмахивает рука, туда же будет направлен удар. Оружие легко подчинялось движениям локтей и кистей.

— И дыхание, Энаэль, — Фелиций скрестил свои клинки перед собой и развёл их в стороны. — Дыхание. Это важно. Если через несколько ударов ты выдохнешься — считай, ты труп.

— Я стараюсь, — выдохнула Энаэль, выпрямляясь. — Но для новичка и так сойдёт, верно?

Парень усмехнулся, пожав плечами:

— Со временем, Энаэль, ты выработаешь свой стиль боя на клинках. Дело в практике. И в дыхании.

— Я поняла, кажется…

— Также в бою один из кинжалов может служить тебе щитом. Один или оба. Ситуации разные есть. Например… — Фелиций резко выхватил один клинок из-за спины и замахнулся на Энаэль.

Эльфийка чудом закрылась от удара Фелиция кинжалом в левой руке, с силой отбросив того назад.

— С ума сошёл? Хотя бы предупредил! — испуганно закричала девушка, потрясая левым кинжалом. Её сердце бешено колотилось, а в висках стучала кровь.

— Думаешь, противник предупредит тебя о своём очередном ударе? — чуть насмешливо произнёс паренёк. — Давай, нападай!

Энаэль сделала нечто похожее на выпад, но Фелиций с лёгкостью отразил удар, даже не двинувшись с места. Тогда эльфийка взмахнула каждым кинжалом по очереди, осыпая своего компаньона серией рваных ударов, словно бы она дралась кулаками.

Фелиций же снова играючи отражал удар за ударом каждым клинком по очереди, а после резко пошёл в атаку. Теперь Энаэль старалась отбиваться от холодных лезвий, ставя блок оружием.

— Энаэль, ноги!

— Что, ноги?

— Двигайся, ноги не должны прирастать к земле. Двигайся, словно танцуешь. Двигайся в такт дыханию. Удар — выдохнула, замах — вдохнула! Пружинь ногами! Вот так! И ещё!

Энаэль старательно делала всё так, как говорил ей Фелиций. Её ноги, чуть согнутые в коленках, двигались так, что эльфийка ощущала себя пауком. Весьма трудно было найти баланс между управлением руками и ногами, а ещё — торсом. Ведь где-то приходилось уклоняться то влево-вправо, то сгибаться или наклоняться, чтобы уйти от очередного усиленного удара Фелиция.

Она сосредоточилась на ритме: вдох — шаг влево, выдох — выпад. Вдох — уклонение, выдох — блок. Постепенно движения становились всё более уверенными. В какой-то момент она даже рассмеялась — так это стало похоже на игру.

Через несколько минут, которые показались Энаэль целой вечностью, она, наконец, смогла выбить из рук Фелиция оружие, ловко подставив ему подножку и приложив кинжал к горлу.

— Ты побит, — она сбросила со лба локон волос, шумно выдохнув. Пот стекал по виску, но она чувствовала небывалый прилив сил и гордости.

Фелиций улыбнулся и медленно поднялся с земли, осыпанной жёлтой хвоей.

— Я поддавался, — он отряхнулся от иголок. — Но всё же ты молодец! Лишила оружия противника — уже половина победы.

— Я просто быстро учусь, — пожала плечами Энаэль и улыбнулась. Её глаза блестели от восторга, а щёки раскраснелись.

Фелиций пошарил в своей сумке и вытянул ремешки для крепления кинжалов, похожие на ножны, только без чехлов.

— Вот, это чтобы носить кинжалы с собой. Удобное крепление. Оно может быть установлено и на бёдра, и за спину — кому как удобнее, — он протянул ремешки Энаэль. — Мне вот за спиной легче. Так они не болтаются в ногах.

Энаэль кивнула ему в знак благодарности, принимая ножны. Пока она возилась с ними, закрепляя их за спину, Фелиций натягивал тетиву своего старенького лука. Дерево слегка потрескивало под его пальцами, а кожа тетивы чуть поскрипывала — видно было, что оружие прослужило уже не один год, но всё ещё оставалось надёжным.

— Так, — парень, наконец, справился с тетивой и помог девушке установить кинжалы за спину. — Твоя очередь, мастер лука.

— Хм, ну смотри, — девушка подняла свой лук и вытащила стрелу из колчана. Она на мгновение замерла, разглядывая оперение — три серых пера аккуратно скреплены тонкой нитью у основания. — С луком немного проще, чем с парными кинжалами. Здесь самое главное — это дыхание и самообладание…

Энаэль встала в стойку: расправила плечи, поставила ноги на ширину плеч, слегка согнула колени. Она положила стрелу на тетиву, ощутив, как дерево лука слегка пружинит под пальцами.

— Помни о дыхании, — произнесла она. — Здесь это тоже немало важно! Вдох — натяжение, выдох — выстрел. И не забывай про фокус: цель должна быть единственной точкой в мире.

Она легко отпустила стрелу и та, со свистом рассекла воздух, вонзившись в итоге в старый пень, который находился достаточно далеко.

— Да, я понимаю, — кивнул Фелиций, глубоко вдохнул и начал плавно натягивать тетиву. Его пальцы уверенно держали стрелу, взгляд сосредоточился на мишени — на другом старом пне в двадцати шагах.

Он задержал дыхание на мгновение, прицелился. В этот миг всё вокруг словно замерло: птицы перестали щебетать, ветер утих, даже журчание ручья стало едва слышным. Энаэль переживала за него, как за себя.

Свист стрелы разрезал воздух, и через мгновение она вонзилась в край пня, чуть левее центра.

— Неплохо для начала, — одобрительно кивнула девушка. — Но ты чуть поспешил с выдохом. Попробуй ещё раз, на этот раз задержи дыхание чуть дольше перед выстрелом.

— Хорошо, — Фелиций пожал плечами, вытащил следующую стрелу наизготовку. На этот раз он действовала медленнее: вдохнул глубже, задержал дыхание, плавно натянул тетиву, выровнял прицел. Движения стали увереннее.

Снова свист — и стрела вонзилась уже ближе к центру пня.

— Вот, теперь лучше! — хлопнула в ладоши Энаэль. — Видишь, всё дело в концентрации.

— Да, теперь я чувствую это, — Фелиций повернулся к ней, глаза его блестели от азарта. — Когда я сосредотачиваюсь, время будто замедляется. Я вижу каждую деталь: текстуру дерева на луке, узор на оперении стрелы, даже трещинки на пне-мишени.

— Именно так и должен чувствовать себя настоящий стрелок, — хмыкнула Энаэль. — Теперь попробуй с другого расстояния. Отойди на пять шагов дальше.

Парень послушно отошел, вновь занял позицию. На этот раз выстрел дался сложнее — стрела попала в самый край пня.

— Расстояние меняет всё, — прокомментировала эльфийка. — Придётся учитывать ветер, силу натяжения, даже угол падения солнца. Но ты быстро схватываешь.

— Спасибо, — парень вытащил ещё одну стрелу. — Мне нравится это ощущение… контроля. Когда всё зависит только от тебя: дыхания, взгляда, движения пальцев. Чем — то схоже с кинжалами, но не нужно руками махать.

Он сделал ещё несколько выстрелов, постепенно улучшая результат. Энаэль внимательно наблюдала, иногда подсказывала:

— Чуть выше прицел… Теперь расслабь плечо… Да, вот так!

Солнце медленно клонилось к западу, отбрасывая длинные тени на лесную опушку. Воздух наполнился золотистым светом, а хвоя елей приобрела глубокий изумрудный оттенок. Фелиций всё стрелял и стрелял, пока колчан не опустел несколько раз кряду.

— Думаю, на сегодня достаточно, — наконец сказал Фелиций, когда очередная стрела попала точно в центр мишени.

— Конечно, — Энаэль усмехнулась. — У тебя талант. Главное — не бросать тренировки.

Они собрали стрелы, аккуратно сложили оружие. Энаэль ещё раз проверила крепление кинжалов за спиной — теперь оно казалось ей естественным, будто она носила их всю жизнь.

— Пойдём обратно? — спросил Фелиций, застёгивая сумку.

— Да, — кивнула Энаэль, оглядываясь на опушку, — по пути поохочусь заодно. Порадую семью вкусной дичью.

#######

Было уже довольно темно. Энаэль шла одна по ночному Сонелиту с луком и новыми Д`ар-Мису за спиной и с сумкой на плече, в которой лежала мелкая дичь и платье — аккуратно сложенное и отделённое от мяса. Фелиций, торопливо объяснив девушке, что у него неотложные дела и что он придёт в таверну поздно, ушёл глубже в лес. Так что Энаэль пришлось идти одной.

Сонелит сейчас выглядел настолько тихим и пустынным, что казалось, это не город, а какая-нибудь захудалая деревушка. Изредка ей попадались стражники с факелами в руках.

Один даже пытался привлечь её внимание, но Энаэль прошмыгнула мимо, чувствуя, как внутри нарастает тревога. Может, это были те самые стражники, что не поймали ее тогда? Каждый шаг отдавался эхом в пустой тишине, и ей всё время казалось, будто кто-то следит за ней из темноты.

До таверны оставалось рукой подать, когда, проходя мимо короткого переулка, девушка услышала чьи-то всхлипывания. Она на миг остановилась и повернула голову в сторону переулка. Сердце пропустило удар — звук был таким отчаянным, таким полным боли…

— Нет, нет, я не знаю, где они живут … — закрыв голову руками, на земле лежал какой-то человек, а вокруг него столпилось почти десяток воинов, облачённых в чёрные доспехи. — Пожалуйста!

— Значит, не поговорим. Неинтересно, но проще, — хриплый голос был почти не слышен, пришлось девушке немного приблизиться.

Холодный пот выступил на спине Энаэль. Она хотела отвернуться, убежать, но ноги будто приросли к земле.

— Пожалуйста… Нет! — Человек, лежавший на земле, захрипел, когда кинжал, сверкнув в тусклом лунном свете, скользнул по его шее.

Энаэль ойкнула, громко выдохнув. Только что произошло непоправимое — люди в черных доспехах с красными вставками убили человека. И только потом она поняла, что слишком громко ойкнула, потому что убийца заозирался по сторонам и тихо шепнул:

— Мы не одни.

Ужас ледяной волной накрыл её с головой. В груди всё сжалось, дыхание перехватило. Энаэль сорвалась с места и побежала, что есть сил прочь.

— Вот! Это женщина! — один из убийц, видимо, заметил, как Энаэль дёрнулась, рванувшись с места. — За ней!

Энаэль слышала крики погони. Сердце бешено колотилось, грохотало в ушах, заглушая все остальные звуки. Единственным, что оставалось спокойным, было дыхание — пока что… В животе завязался тугой узел страха, руки дрожали, но она бежала, не разбирая дороги.

Как назло, по пути ей не попадалось ни одного стражника. Были несколько минут назад, теперь как будто исчезли. В голове крутились панические мысли: «Почему? Куда они подевались? Кто эти люди? Что им нужно?»

В последний момент она заметила, как один из преследователей, вероятно срезав путь, нагнал её. Энаэль чертыхнулась и бросилась вправо, но оказалось слишком поздно.

— А ну-ка, иди сюда, девочка, — хрипнул бородатый мужик в черных кожаных доспехах. В свете фонаря девушка мельком заметила рисунок красного кинжала на нагруднике. Разбойник удачно сбил с ног Энаэль.

Девушка ойкнула, упав на спину и раскинув руки в стороны. Сумка со снедью слетела с плеча и упала рядом с кончиками пальцев левой руки. Мужик настойчиво лез на эльфийку, а та нащупывала сумку левой рукой. Ещё немного, и она её схватит, попытается ударить бородатого.

«Только бы успеть… Только бы вырваться…» — лихорадочно думала она, чувствуя, как страх парализует тело.

— Теперь ты в моей власти… — осклабился мужик, сняв капюшон с лица девушки. — А ты симпатичная… Да, теперь ты моя, — он дотронулся до лица Энаэль грубой рукой, и тут же получил сумкой в нос.

— Ах ты, паразитка! — он схватился за нос, из которого обильно заструилась кровь, — Эй, Клинки! За ней!

Энаэль, не теряя ни секунды, вскочила на ноги и бросилась прочь — так стремительно, будто сама земля подталкивала её вперёд. В ушах звенело от крика преследователя, а в груди бушевала буря эмоций: страх, ярость, отчаяние и отчаянное желание выжить.

Она свернула в узкий проулок, едва не врезавшись в груду старых ящиков. За спиной уже слышались тяжёлые шаги и грубые окрики:

— Вон она! Там!

«Только не упасть, только не споткнуться!» — мысленно молилась она, огибая очередной угол. Дыхание стало прерывистым, в боку закололо, но останавливаться было нельзя.

Внезапно перед ней возникла глухая стена — тупик. Энаэль замерла на миг, чувствуя, как ледяной ужас сжимает горло. Преследователи были уже близко — их топот и ругань раздавались всего в нескольких шагах.

«Нет, нет, нет!» — в панике застучало в висках.

Взгляд метнулся по сторонам: слева — покосившаяся лестница, ведущая на крышу сарая, справа — узкий дренажный канал под стеной. Решение пришло мгновенно.

Энаэль бросилась к каналу, прижалась к земле и, проползла под стеной. Благо канал был чист и пуст. С другой стороны улицы располагался небольшой двор с кучей хлама и старой телегой. Она юркнула за телегу, затаилась, прислушиваясь.

Шаги преследователей замедлились.

— Куда она подевалась? — прорычал кто-то.

— Может, наверх залезла? — предположил другой. — Проверим крыши!

Энаэль сжала кулаки, стараясь унять дрожь. Она слышала, как двое из банды полезли по лестнице, остальные разошлись по переулку, осматривая каждый угол.

Минуты тянулись мучительно долго. Энаэль боялась даже дышать слишком громко. В голове крутились мысли: «Они не должны меня найти. Не должны…» Она осторожно вытащила из-за пояса короткий ножик — все что могла, чтобы не делать лишних движений. Пальцы судорожно сжали рукоять.

Наконец, голоса стали удаляться.

— Да где её черти носят? — донёсся раздражённый голос. — Может, она в канализацию нырнула?

— Ладно, хватит. У нас другие дела. Оставим ее. У нас еще заказ не выполнен.

Шаги затихли вдали. Энаэль ещё несколько минут сидела неподвижно, боясь пошевелиться. Только когда полная тишина окутала двор, она позволила себе выдохнуть.

Осторожно выбравшись из укрытия, она огляделась. Путь к таверне был свободен, но теперь она знала: эти люди опасны, и, если они её запомнили — она в смертельной опасности.

Пригибаясь и держась в тени, Энаэль двинулась вперёд. Каждый шорох заставлял её вздрагивать, каждый тёмный угол казался засадой. Но она шла, стиснув зубы, шаг за шагом, от укрытия к укрытию.

Добравшись до знакомой улицы, она на мгновение остановилась, переводя дух. Таверна была уже видна — тусклый свет из окон манил теплом и безопасностью. Но, прежде чем идти туда, Энаэль сделала крюк: обошла здание сзади, проверила, нет ли засады у чёрного входа, и лишь затем, крадучись вдоль стены, добралась до окна своей комнаты.

Подтянувшись на руках, она ловко забралась внутрь и, едва оказавшись в комнате, задвинула засов. Только тогда, прижавшись спиной к стене, позволила себе сползти на пол.

Дрожь наконец прорвалась наружу — руки и ноги тряслись, зубы стучали. Энаэль обхватила себя руками, пытаясь унять эту внутреннюю бурю. Перед глазами снова и снова вставала картина убийства в переулке, хрип жертвы, блеск кинжала…

Дрожащими пальцами эльфийка вытащила платье из сумки и повесила его на плечики. Сумку со снедью закинула в угол, туда же, куда и лук со стрелами и пояс с кинжалами. Торопливо расстёгивая ремешки доспеха, она лихорадочно соображала.

Девушка очень надеялась, что те бандиты не запомнили её лицо. Ведь если иначе — жить ей, судя по их зверству, осталось недолго. Перед глазами снова и снова вставала картина убийства: бледное лицо жертвы, блеск кинжала, и предсмертный хрип…

#######

Спустилась в таверну Энаэль только к вечеру, когда за окнами уже сгущались лиловые сумерки, а в зале зажглись масляные лампы, бросающие дрожащие блики на деревянные столы. Всю ночь девушку мучали кошмары. Во сне она раз за разом переживала то событие, которое настигло ее после вчерашней тренировки. Черные доспехи с красными клинками на груди мерещились ей, люди, облаченные в них, нападали на нее. Она снова и снова убегала от разъяренной толпы и… Толпа ее настигала. Снова и снова.

Просыпаясь в холодном поту, девушка то и дело посматривала за окно, то ли в ожидании рассвета, то ли в желании убедить себя, что в реальности все хорошо.

Потом весь день она провела в унынии и колком, липком страхе. Никто не заходил к ней, ни Белла, ни Барлин, ведь оба они думали, что девушка так и не вернулась в таверну, заночевала где-нибудь в лесу или бродит опять с луком в поисках дичи. А Энаэль тем временем перебарывала страх показаться в зале, столкнуться нос к носу с теми людьми, что полночи гнались за ней по всему городу. Поэтому осмелела выйти она только к вечеру, когда шум голосов в зале поутих и гости потихоньку начали расходиться. Она решила пока никому не рассказывать о том ночном происшествии. Может, все будет хорошо и волнения все же поутихнут.

Отдав первым делом Барлину дичь — к счастью, не испортившуюся за день, — она попросила у приёмного отца травяного чая и чего-нибудь перекусить. Пока ждала, по обыкновению окинула взглядом зал: шум, смех, звон кружек, запах жареного мяса и свежего хлеба… И тут заметила Фелиция — тот склонился над картой, разложенной прямо на столе, и что-то бормотал себе под нос, водя пальцем по линиям дорог.

— Вечер добрый, — Энаэль подошла ближе. Фелиций обернулся и лишь коротко кивнул, будто не желая отрываться от своего занятия. — Чем это ты занят сегодня?

Она невольно скользнула по его доспеху взглядом и с некоторым удивлением заметила — красный кинжал на черном нагруднике, и бледно алые шелковые вставки на сочленениях руки и плеч.

В голове снова поплыли те самые образы, которые она видела ранее, той злополучной ночью.

Парень снова устремил взгляд в карту, проводя пальцем вдоль извилистой линии, обозначавшей реку.

— Ищу путь к одному городку. Хараста называется. Просто к нему нелегко дойти — нужны безопасные дороги. Но здесь, — он показал на южные пределы Арамаса, где на карте темнели пятна болот, — болота. Они труднопроходимые, даже с проводником, но так быстрее туда добраться. А здесь, — он снова провёл пальцем вдоль реки, — сильное течение. Я не уверен, что смогу легко переходить эту реку вброд снова и снова.

— Я знаю, — кивнула Энаэль. — Это ведь река Штопор, верно?

Штопором называлась река, что простиралась через весь Арамас винтообразно, словно кто-то небрежно бросил гигантскую ленту на карту. Она брала начало от Сосновых склонов, петляла между холмами и лесами, а затем, растянувшись по Арамасу, впадала в океан Ветров. У этой реки было переменное течение — то тихое и спокойное, то бурное и коварное. Никто не мог точно сказать, как река поведёт себя в определённый момент времени.

— Да, она самая, — вздохнул Фелиций. — Думаю, не стоит через неё идти.

— А вот торговый тракт, — эльфийка склонилась к карте и провела пальцем по едва заметной дорожке, что тянулась от Сонелита до Харасты, минуя город Эндор. — Правда,

дорога извилистая и длинная. Но если это торговый тракт, можно быть спокойным — там приключений не будет.

— Хм, это мысль, — оживился Фелиций, глаза его загорелись. — Можно пойти по нему. Да, я вижу там пустыню, но это не проблема. Можно запастись водой на несколько суток и уже точно ничего не опасаться. Но до пустыни ещё дойти нужно. Тут ещё и леса, цепь гор и Кристальное озеро. Так что, возможно, это самый простой, но длинный путь.

Энаэль выпрямилась на стуле, задумчиво постукивая пальцами по столешнице.

— Может, скажешь, зачем тебе в Харасту? — осторожно спросила она.

— Как бы тебе, — начал Фелиций, почесав затылок. — Ищу я кое-кого. И этот кое-кто находится в Харасте. Я точно это знаю.

Энаэль покивала, сама не зная, соглашается она или нет. В голове у нее засели лишь два вопроса — кем были те люди, которые совершили убийство и гнались за ней после того, как она стала свидетелем. И почему доспех Фелиция был так похож на те, что она видела той ночью.

Мог ли ее новый знакомый быть как-то связан со всем этим? Или же, это новомодные доспехи и сейчас они есть у каждого второго?

— Я могла бы пойти с тобой, — она чуть понурилась, опустив взгляд, — как раз хотела начать жить новой жизнью.

Она не стала говорить парню про то, что собиралась искать своих настоящих родителей, посчитав, что пока рано. Да и подозревала, что и тот тоже что — то недоговаривал. Возможно, все откроется в самом пути. Возможно, так будет лучше.

Фелиций улыбнулся и, помедлив, кивнул:

— Я совсем не против компании. Да и помощь, пожалуй, не помешает. Почему бы и нет?

— Отлично. Я рада, — засияла эльфийка.

— Тогда нам нужны припасы, — парень свернул карту и убрал в походную сумку. — Да и стрел тебе побольше не помешает. У тебя их маловато.

— Вот стрелы и припасы — это нужно. С этим я согласна. И когда уходим?

— Да хоть сейчас.

Энаэль покачала головой:

— Думаешь? Мне кажется, лучше всего выйти завтра с утра. Отдохнём, отоспимся, наберёмся сил и отправимся. К тому же, — она посмотрела на приближающегося с подносом отца, — мне нужно попрощаться с семьей.

— Разумно. Так и сделаем.

— Эни, вот, перекуси, — Барлин подошёл с подносом, на котором дымился небольшой чайник и красовалась целая гора пирожных — пышных, румяных, с клубничной начинкой и сахарной пудрой.

— Спасибо, отец, — эльфийка протянула руки к блюду и поставила его на стол.

Барлин погладил кустистую бороду и, кашлянув, отошёл за стойку, не забыв подмигнуть своей приёмной дочери.

— Твой отец, — Фелиций оторвался от карт, — заботится о тебе лучше, чем мой родной. Я даже завидую.

— Я сама себе порой завидую, — кивнула Энаэль, беря пирожное и протягивая второе Фелицию. — Будешь?

— Угощусь, пожалуй, — парень взял одну штучку, откусил и закатил глаза. — Ммм, какое оно воздушное! Эта текстура, этот клубничный вкус! Божественно!

— Это ещё что, — усмехнулась девушка. — Вот на каждое моё день рождения Барлин такие торты печёт… Такие, наверное, только у королей или у эрлов каких на столах.

— Здорово, — Фелиций указал пальцем на ещё одну пироженку. — Можно?

Так, за разговорами и вкусным десертом они и просидели до того момента, когда народ в обеденном зале начал стремительно редеть: кто домой, кто в патруль, кто наверх, в комнаты.

Фелиций, осоловело хлопая глазами, сложил все карты, а Энаэль решила, что пора бы уже крепко отдохнуть. Несмотря на то, что она проспала с ночи до следующего вечера, глаза её слипались, к ногам снова накатила усталость.

— Пойду в свою комнату. Увидимся завтра, Фелиций, — Энаэль тяжело поднялась с места.

— Доброй ночи, — кивнул тот, откидываясь на спинку стула.

Девушка пересекла помещение со столами. Поднявшись по скрипучим ступеням на второй этаж, она столкнулась нос к носу с Беллой, которая несла поднос с графином вина и парой запотевших бокалов.

— Ой, — Белла едва удержала графин, качнувшийся на краю подноса, и, смахнув мокрые от пота волосы с раскрасневшегося лица, устало улыбнулась эльфийке. Её передник был слегка испачкан соусом, а рукава рубашки закатаны до локтей. — Так, можешь не скрываться, я знаю, что ты с ним говорила. Гуляли, небось? И как он тебе?

Та пожала плечами, опустив взгляд на узор половицы. В действительности, она с ним разговаривала, конечно. Но этого было всё же слишком мало для того, чтобы узнать парня хотя бы наполовину. Все разговоры были, в основном, о каких-то делах и заботах — о припасах, о маршруте. О милых мелочах, которыми сама девушка делилась с парнем. В итоге они сошлись на том, чтобы вместе идти в Харасту. Это она и рассказала Белле, которая после этого рассказа улыбаться перестала, сменив улыбку на ужас — её глаза расширились, а пальцы невольно сжали край подноса.

— Нет-нет, не ходи туда, слышишь? Там опасно. Дорога по торговому тракту идёт через пустыню, а там только Создатель знает, что за нечисть и твари обитают, — Белла попыталась придержать Энаэль за плечо одной рукой, а другой держать поднос, но не получилось, и девушке пришлось ограничиться лишь взглядом и мольбами. Её голос дрогнул: — К тому же, ты его, получается, не совсем хорошо знаешь. Вы знакомы-то всего ничего. Да и кто он вообще? Ты хоть выяснила, чем он занимается? Может, он какой-нибудь бродяга или… или хуже того!

— Белла, а может, это мой шанс обрести то, чего я не смогу в одиночку? Узнать, кто я на самом деле, — тихо ответила Энаэль, поднимая взгляд и глядя сестре в глаза. В её голосе звучала непривычная твёрдость, а в глубине голубых глаз мерцала смесь страха и решимости. — Я всю жизнь здесь, в этой таверне, среди кастрюль и подносов. А вдруг там, за пределами города, я найду своё предназначение? Ты сама знаешь, что делает эльф тут, среди вас? Я не могла родиться тут, понимаешь? Где-то там есть мои корни.

— Эн… я… — девушка задохнулась в порыве чувств, её губы дрогнули, а на мгновение в глазах блеснули слёзы. Она сглотнула и произнесла, стараясь взять себя в руки: — Я отнесу заказ и вернусь к тебе, поговорим об этом ещё. Обещаю.

Энаэль угрюмо кивнула, пропуская Беллу к лестнице, а затем открыла дверь своей комнатки и вошла внутрь, тихо прикрыв её за собой.

Большое окно было распахнуто, с улицы доносились утихающие трели птиц, смешиваясь с шумом ветра, который играл листьями старого дуба под окном. В воздухе пахло дождём и свежей травой, с примесью едва уловимого аромата осенних цветов из сада позади таверны.

У резного бельевого шкафа, где размещались её платья и накидки, девушку привычно ждал пушистый игрушечный зайчик — тот самый, которого ей подарил Барлин сразу, как только эльфийка шагнула в свой новый дом. Его шёлковые уши слегка выцвели от времени, а один глаз был аккуратно пришит после детской шалости, но он всё равно оставался самой дорогой вещью в комнате.

На противоположной стене висело несколько полок с книгами: некоторые из них Энаэль как-то стащила из городской библиотеки, рискуя получить нагоняй от строгого старика Боумена, остальные подарила Белла. Здесь были и про дальние страны с картами и гравю-

рами, и про животных и растения Фаворна с подробными описаниями, и сказки с красочными иллюстрациями, и даже пособие по магическим заклинаниям с выцветшей кожаной обложкой. Правда, никаких магических талантов у эльфийки не было, но читать про это было увлекательно — она часто представляла, как могла бы колдовать, если бы у неё открылись способности.

В углу комнаты, за деревянной ширмой с выжженным узором из виноградных лоз, был расположен рукомойник с медным краном, туалетная тумба с резными ручками и зеркало в потемневшей от времени раме. В этой тумбе Белла и Энаэль всегда прятали сладости от Барлина — особенно в детстве, когда отец запрещал дочерям есть много сластей. Они даже придумали особый сигнал: если один из них постучит три раза по столешнице, значит, пора идти проверять тайник.

Дубовая кровать с мягкой периной, укрытая стёганым одеялом с вышитыми цветами, занимала всё пространство комнаты у противоположной к шкафу стены. Рядом стоял маленький столик, на котором лежали перо, чернильница и немного исписанный дневник — Энаэль иногда записывала туда свои мысли и мечты о дальних странствиях.

Эльфийка присела на кровать, стянула туфли с ног и прижала к себе игрушечного мягкого зайца — потрёпанного, старого, но всё равно самого дорогого. Блаженство. Осталось только дождаться рассвета — и её ждёт новая жизнь. Приключения. Странствия. Может, это всё к лучшему.

Ей надоело торчать в Сонелите без дела, работы и событий. Нет, работа, конечно, у неё была: она иногда помогала Барлину по хозяйству. Но это всё можно было бы считать домашними делами, а не работой. То же и с таверной: девушка часто задерживалась на кухне, чтобы помочь Белле с посудой или готовкой. Но это всё было не то. Хотелось чего-нибудь нового, необычного, волшебного — того, чего она ещё не испытывала в жизни и, наверное, не испытала бы здесь. Хотелось, наконец, узнать правду о себе. Найти свои корни.

Конечно, здесь у нее были родные люди. Безусловно, это Барлин и Белла — те, без которых Энаэль жила бы на улице и питалась бы тем, что Создатель пошлёт. Она всем обязана именно им. А особенно, разумеется, Барлину Холдинсону.

В дверь постучали, затем она приоткрылась, и в проёме показалась рыжая борода отца.

— Энаэль, разреши, я войду? — голос его звучал неуверенно и взволнованно.

Эльфийка кивнула, поёрзав на кровати с меховым зайцем. Барлин мягко, совсем по-родительски, словно в чём-то виноват, вошёл и осторожно прикрыл дверь. Окинув взглядом комнату, мужчина прошёл к кровати Энаэль и сел рядом. Заскрипели дубовые доски, возвещая всех, что дополнительный вес для постели был немного лишним. От него пахло жареным, дымом и немного потом — привычным, родным запахом дома.

— Энаэль, дочка, — начал Барлин, приобнимая эльфийку за плечи, — ты не хочешь мне ничего сказать?

Энаэль слегка напряглась. В чём она виновата? Что случилось? Отец узнал о ночной потасовке? Или горожане рассказали ему про чудесную эльфийку, что прибыла на Арамас с эликсиром молодости? Вейрин узнал в ней Энаэль и теперь ищет её? И это не она стащила доспехи!

— А что я должна рассказать? — испуганно проблеяла девушка, подозревая неладное.

Барлин грустно вздохнул:

— Всё-таки ты решила уйти от нас, — видя немой вопрос девушки, Барлин поспешно добавил: — Белла мне всё рассказала. Она очень расстроена. Так это правда?

— Да, отец, правда, — Энаэль опустила взгляд. — Пожалуйста, не сердись. Я знаю, что так нельзя — оставлять тебя и Беллу, но я должна, понимаешь? Я хочу узнать, кто я.

Барлин усмехнулся в усы и ласково взъерошил ей волосы:

— Сердиться? Вот ещё. Я горжусь тобой, дочь моя. Я ж тебя привёл сюда вот такусенькой, — он показал рукой небольшое расстояние от пола. — Глазенки одни только зыркают, и ушки торчат из волос. Волнистые такие, каштановые. Боялась всего, жуть. Постоянно за мной пряталась, как за стеной. А теперь, — Барлин приосанился, — эвона как выросла. Стройный мой кипарис. Одна из моих двух гордостей. Ага! — отец разглагольствовал так, что Энаэль бодро улыбнулась. — А как мы с тобой на лошадях скакали? Помнишь? Ты тогда визжала от восторга так, что птицы с деревьев разлетались!

— Помню, конечно, — рассмеялась Энаэль, и её глаза заблестели от воспоминаний. — А ещё как мы втроём испекли наш первый пирог? Мы тогда так извоськались в муке, что Белла потом полчаса в бане отмывалась, а сама хохотала до слёз!

— Точно! — Барлин громко рассмеялся, и его глаза заискрились. — А когда мы открывали эту таверну… Ты тогда от волнения не могла на месте усидеть, всё тебе тут нравилось, и везде хотелось побегать с Беллой. Сияла, как утренняя звезда!

— Да-да, — улыбнулась Энаэль. — Я всё помню. Каждый миг.

Барлин вдруг стал серьёзнее, но его голос остался тёплым:

— Выросли мои две девочки. Жаль только, что мать Беллы тебя не знала. Умерла еще до того, как я тебя приютил. Жаль, что она вас сейчас не видит. И что времени назад не воротишь. Но знаешь что? Я рад, что именно мне довелось тебя вырастить.

Энаэль сжала руку отца.

— Я знаю, что ты беспокоишься, папа. Отпускать ребёнка, которого вырастил, наверное, очень тяжело. Может, я чего-то не понимаю, — девушка мягко погладила ладонь Барлина, — но просто мне это необходимо. Я не могу жить с чувством, что что-то в моей жизни упущено.

— Понимаю, дочка. Именно поэтому, — Барлин поднялся с места, — я и отпускаю тебя. А что? Мир посмотришь. Себя покажешь. Пора бы тебя, конечно, и замуж выдать, — он хитро подмигнул, а в глазах стояли слёзы, — но, видимо, не скоро это всё.

— Замуж? — Энаэль прыснула со смеху, поднялась на ноги и шутливо толкнула его в плечо. — Скажешь тоже. А не рано? Да и не нашла я ещё того самого. К тому же, кто будет спасать тебя от голодной смерти, если я выйду замуж и уеду куда-нибудь далеко-далеко?

— О, так ты, значит, только из-за моего желудка со мной и останешься? — Барлин сделал вид, что оскорблён, но тут же рассмеялся. — Ну да, кто же ещё будет подсказывать мне, сколько специй класть в жаркое, а то я вечно всё пересаливаю!

— Вот именно! — подхватила Энаэль. — Кто будет напоминать тебе, что суп надо помешивать, а то он пригорит?

— Ладно-ладно, убедила, — Барлин снова стал серьёзным, но в голосе звучала нежность. — Раз решила, держать не могу. Не забудь взять провизии побольше, да будь осторожна. И возвращайся, Эни. — Отец придержал эльфийку за плечи. — Я люблю тебя. И всегда буду.

Он кивнул ей и вышел из комнаты, аккуратно прикрыв дверь.

— И я люблю тебя, папа, — запоздало прошептала Энаэль, смахивая слёзы с глаз.

Казалось, после того как закрылась дверь за Барлином, так сразу кончилась та пора, которую все называют детством. Именно тем детством, когда человек под крылом у родных, когда всегда может получить поддержку и помощь. Энаэль чувствовала, как эти мягкие руки отцовской любви всё ещё держали её, но лишь за кончики пальцев. Они отпустили её, но с надеждой, что, когда-нибудь снова крепко сожмут, чтобы уберечь от всего.

Девушка снова уселась на постель, сжав плюшевого зайца. Прощание принесло ей сильную боль, но так было нужно. Энаэль хорошо понимала, что не тот отец, кто родил, а тот, кто воспитал. Барлин был для неё настоящим папой, которому она могла рассказать все свои секреты, пожаловаться на болячки, на которые обычно отцам не жалуются, попросить помощи, когда на душе скребли кошки. Он был для неё всем: и мамой, и папой, и лучшим другом.

Конечно, не нужно забывать и о Белле, которая всегда оказывалась в нужном месте в нужное время — словно сама судьба направляла её шаги.

А вот и она, легка на помине. Скрипнув дверью, Белла просочилась в комнату, будто боясь нарушить хрупкую тишину, уже пропитанную тревогой. Сдувая со лба мокрые волосы — видимо, она бежала, — девушка прикрыла створку и повернулась к Энаэль. Её лицо выражало такую глубокую озабоченность и усталость, что сердце эльфийки невольно сжалось.

— Ты чего такая? — тихо спросила Энаэль, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Ты все-таки уходишь, — Белла присела на краешек кровати рядом с сестрой и уткнулась ей в плечо. Эльфийка сразу ощутила сырость — из глаз девушки лились слезы.

— Ну, чего… чего ты, — Энаэль погладила Беллу по волосам, пытаясь успокоить, но та только сильнее задрожала, сдерживая рыдания. — Всё же хорошо. Я же не навсегда ухожу.

Белла обняла Энаэль, промычав что-то утвердительное, словно соглашаясь, а после молча помотала головой, насколько это было возможно в объятиях. Энаэль растерянно обхватила её за плечи.

«Она всё понимает, — пронеслось в голове эльфийки. — Понимает, что этот день может стать последним днём с семьёй. Путешествие опасно — кто знает, что ждёт меня в пути?».

— Сестра, — наконец проглотила комок в горле Энаэль, — я же ухожу не навсегда, верно? Просто… так надо, понимаешь?

Белла подняла голову и устремила на неё взгляд. Усталые, проплаканные, красные от слёз глаза с мольбой и горечью смотрели прямо в душу.

— Я просто хотела тебе сказать, Эн, — начала она, чуть отстранившись, — что очень дорожу тобой. Я слишком дорожу тобой и нашей дружбой. Все эти годы ты была рядом, поддерживала меня, как старшая сестра, учила быть сильной, смелой… — Белла обхватила руку эльфийки обеими ладонями. Капелька слезы упала между пальцев, сплетённых на коленях. — Я всегда хотела быть похожей на тебя.

— Лучшей сестры, чем ты, и пожелать нельзя, — сдавленно произнесла Энаэль, сжимая пальцы Беллы. — Я тоже ценю тебя и дорожу тобой.

Белла отвела взгляд, зажмурилась и отпустила руку сестры.

— Ты часть меня, — вдруг улыбнулась она сквозь слёзы. — А помнишь, когда отец застукал нас в подвале? Ты тогда хотела…

— Попробовать Нолатэйское вино, — подхватила Энаэль, и их голоса слились в едином воспоминании. — Ох, и влетело нам тогда.

Белла закивала:

— Ага. На неделю без сладкого остались.

— Да, было, было. А я ещё помню, как принесла из леса тушку погостницы. Отец так обрадовался, хотел её зажарить, но…

— Её утащил кот Эцтель! — вторила ей Белла, хихикая в кулак сквозь слезинки. — Я его впустила, не думала, что в комнате есть мясо.

— Да. Отец тогда здорово расстроился.

Белла сквозь смех вытерла ладонью слёзы на щеках. Энаэль почувствовала, как предательски защипало в глазах. Эти воспоминания согревали душу, напоминая о том, сколько всего они пережили вместе.

— А помнишь, как мы собирали ягоды на склоне у реки? — вдруг спросила Белла, и её голос зазвучал чуть бодрее. — Ты тогда научила меня отличать спелую землянику от незрелой.

Энаэль рассмеялась, вытирая слёзы:

— Да! А потом мы так наелись, что у нас болели животы. Не понимали, что это от ягод, и всё равно продолжали собирать — хотели сделать пирог для отца.

— И он потом сказал, что это был самый вкусный пирог в его жизни, — добавила Белла, приложив палец к губам. — Хотя мы добавили туда слишком много сахара.

— Зато он понял, сколько любви мы в него вложили, — улыбнулась Энаэль.

— А ещё, — не иссякали воспоминания девушки, — помнишь, как ты научила меня читать? Я тогда никак не могла запомнить букву «эль», всё путала её с «эм».

— Ты прочитала свою первую книгу за три дня! — горделиво сказала Энаэль. — «Легенды древних лесов». Ты так гордилась и неделю пересказывала ее всем приезжим гостям.

— Потому что мне было так хорошо, — засмеялась Белла. — Спасибо, что научила меня читать…

На мгновение повисла тишина. Обе понимали, что время уходит.

— Знаешь, — вдруг сказала Белла, поднимая глаза, — а давай сделаем кое-что?

— Что именно? — подняла брови Энаэль.

— Давай обменяемся чем-то на память. Чтобы помнить друг о друге, пока мы в разлуке.

Энаэль задумалась, потом кивнула:

— Хорошая идея. У меня есть старая карта, которую мы рисовали вместе, когда были детьми. Помнишь? Мы отмечали на ней все наши секретные места — ягодную поляну, старый дуб, где прятали сокровища, ручей с холодной водой…

Она подошла к сундуку, достала аккуратно сложенный лист пергамента и развернула его. На нём были неровные линии тропинок, кружочки с подписями и даже маленький рисунок их дома.

— Вот, — Энаэль вложила карту в руки Беллы. — Пусть она напоминает тебе, о нас. О том времени, что мы провели вместе. И о том, что я знаю все тропки наизусть. И всегда найду дорогу к тебе.

— А я… — Белла покопалась в складках фартука и достала потрёпанную книжку в кожаном переплёте. — Вот. Это моя личная книга рецептов. Я записывала туда все рецепты, которые мы пытались готовить. И еще, видишь: здесь есть записи о нас. Как мы гуляли или играли. Истории разные. Я хочу, чтобы ты взяла эту книжку с собой.

Энаэль бережно приняла подарок:

— Он бесценен. Я буду перечитывать его в дороге, когда станет одиноко.

— И обещай, — голос Беллы снова дрогнул, — обещай писать мне. Хоть раз в месяц.

— Обещаю, — твёрдо сказала Энаэль. — Каждый раз, как будет возможность. И я вернусь. Обязательно вернусь.

— Ты только будь осторожна, — прошептала Белла, заглядывая сестре прямо в глаза. — Не лезь на рожон. И если станет слишком опасно — сразу поворачивай назад, ладно?

— Ладно, — улыбнулась Энаэль. — Буду осторожна. Обещаю.

— И ещё… — Белла вдруг покраснела. — Если встретишь кого-то… ну, кто тебе понравится…

— То сразу напишу тебе первой, — закончила за неё Энаэль и рассмеялась. — Да, сестрёнка. Ты будешь первой, кому я расскажу.

Они снова обнялись — крепко, будто пытаясь впитать в себя тепло друг друга на долгие дни разлуки.

Что и говорить, Белла и Энаэль просто души друг в друге не чаяли. Скорое расставание приносило им невыносимую муку. Но в глубине души у каждой теплилась надежда — надежда на то, что совсем скоро они снова увидятся, снова будут смеяться над старыми историями и переживать новые. Вместе.

Белла нежно поцеловала Энаэль в щёку и легонько выпустила ладонь из рук.

— Береги себя, милая сестра.

— И ты себя. И отца тоже, — кивнула Энаэль, слабо улыбаясь. В груди всё ещё болело, сдавливало тисками. Она чувствовала, что вот — вот — и расплачется. — Я вернусь. Обещаю. И тогда мы устроим самый большой праздник, какой только видела наша таверна!

— С тортом в три яруса и малиновым вареньем! — добавила Белла, вытирая последние слёзы.

— Именно так, — улыбнулась Энаэль.

— Тогда, до встречи, — прошептала Белла, тихо шагая к двери.

— До встречи, родная, — шепнула Энаэль, гулко шмыгая носом.

В комнате повисла тишина, нарушаемая стуком сердца и шумом ветра за окном. Однако теперь, после разговора со своими близкими Энаэль чувствовала не только боль разлуки — в её душе теплилась уверенность: они увидятся снова. Обязательно увидятся.

Эльфийка сжала в руках маленькую книжицу сестры и грустно улыбнулась.

Ее дом все равно останется для нее домом. Что бы ни случилось.

Глава 3

Когда ты теряешь всё

Цереас, 19 числа месяца Последнего Зерна

Её разбудил шум внизу — не просто грохот, а яростные крики, звон металла, топот множества ног. Сердце на мгновение замерло, а затем забилось чаще. Энаэль сжала край простыни, пытаясь убедить себя: «Это всего лишь пьяная драка. Ничего серьёзного. Просто очередной скандал в таверне». Она плотнее укуталась в простыню, закрыла глаза и попыталась отгородиться от хаоса за дверью.

Но шум не утихал — напротив, становился всё громче, всё яростнее. Он врывался в сознание, разрывал хрупкую завесу сна, не давал сосредоточиться, не позволял упасть в спасительную темноту забытья. «Нет, враки, — мысленно признала она с горечью. — Уснуть уже не получится».

Энаэль резко откинула простыню и рывком поднялась… и тут же ойкнула, схватившись за край кровати. Голова закружилась так сильно, что комната поплыла перед глазами, стены покачнулись, а пол будто ушёл из-под ног. «Глупо, очень глупо», — пронеслось в голове. Отец всегда учил её: «По утрам не спеши входить в новый день. Всё должно быть мерно и последовательно. Иначе эта суета вскорости тебя съест».

Эльфийка осторожно опустилась на подушку, замерла на несколько долгих секунд, глубоко вдыхая и выдыхая, пока мир вокруг не перестал кружиться. Затем, собрав волю в кулак, она встала с кровати по новой, осторожно касаясь босыми ногами холодного деревянного пола.

Быстрые, почти механические движения — доспехи, оружие, сумка. В последнюю секунду она схватила несколько памятных вещей: потрёпанную книжку Беллы с выцветшей обложкой и свой личный дневник, исписанный неровным почерком. Энаэль выбежала из комнатки и стремительно спустилась вниз, сердце колотилось так сильно, что, казалось, готово было выпрыгнуть из груди.

То, что открылось её глазам, заставило эльфийку замереть на месте, а кровь — застыть в жилах.

В помещении царил хаос. Толпа разбойников, вооружённых до зубов, металась по залу. Несколько тел уже лежали на дощатом полу в лужах тёмной, почти чёрной крови. Возле стойки, окрасившей дерево в алый цвет, скорчилась Белла. Её темные волосы слиплись от крови, девушка тяжело дышала, судорожно держалась за бок и неотрывно смотрела туда, где сражались Фелиций и Барлин. Они стояли спина к спине, отбиваясь от нападающих.

Разбойники в чёрных доспехах с красными клинками на нагрудниках всё наступали, наскакивали с разных сторон, пытаясь пробиться к защитникам, но пока безуспешно. Лезвия сверкали в свете факелов, крики смешивались с лязгом стали, а воздух пропитался запахом крови и страха.

Увидев эти доспехи, Энаэль почувствовала, как внутри всё похолодело. Она узнала их. Тех самых людей, что преследовали её тогда, той роковой ночью. Значит, они всё же нашли её. Вышли на след. Выследили.

«Нет, нет, нет!» — отчаянно пронеслось в голове девушки, словно крик, застрявший где-то в горле.

Один из разбойников, высокий и широкоплечий, с лицом, скрытым под маской, подобрался к Белле. Он поднял клинок над ней — блестящее лезвие замерло в воздухе на расстоянии удара…

— Нет! — пронзительно взвизгнула Энаэль.

Её рука сама натянула тетиву, стрела свистнула в воздухе — и через мгновение разбойник рухнул на пол с оперением в горле. Он ещё дёрнулся пару раз, затем затих.

Тишина. На мгновение всё вокруг будто замерло.

«Я убила человека… убила человека… о, Создатель, прости меня…» — мысли метались в голове, смешиваясь с удушающим ужасом.

Смешанные чувства подкатили к горлу, сдавили его, мешая дышать. С одной стороны, видеть смерть, которую она сама сотворила, — это само по себе ужасно. Осознавать, что ты причастна к гибели другого человека, что твоя рука только что оборвала чью-то жизнь…

Но с другой стороны — она отчаянно защищала свою сестру. Свою семью. Свой дом. Эти люди пришли сюда с оружием и плохими намерениями. Они уже пролили кровь невинных. Тогда почему она должна быть снисходительной? Почему должна жалеть тех, кто не пожалел других?

Фелиций двигался с поразительной грацией, словно исполнял какой-то древний, смертоносный танец. В каждой руке он держал по острому клинку, и сталь в его руках пела — свистела в воздухе, отражая удары разбойников, отбрасывая их назад с неумолимой силой. Его движения были точными, выверенными, почти артистичными — но за этой красотой скрывалась смертельная угроза для каждого, кто осмелился бы подойти слишком близко.

Рядом яростно фехтовал мечом Барлин, с трудом сдерживая натиск могучего противника в чёрных стальных доспехах. Каждый удар бронированного крепыша сотрясал воздух, а Барлин, стиснув зубы, парировал, отступал, снова бросался в атаку — его клинок сверкал в свете масляных ламп.

«И где же стража, когда она так необходима?! — пронеслось в голове у Энаэль. — Куда смотрит капитан стражи, спрашивается… Почему никто не спешит на помощь?!»

Сердце сжалось от дурного предчувствия, и она перевела взгляд на сестру.

Белла лежала неподвижно, её стеклянные глаза смотрели в пустоту. Красивые чёрные волосы, прежде аккуратно уложенные, теперь были спутаны и залиты кровью. На груди зияла глубокая рана от меча — тёмная, неровная, из неё до сих пор медленно сочилась кровь, образуя на полу алую лужицу.

Глаза Энаэль наполнились жгучими слезами, но они не успели скатиться по щекам — сердце на мгновение остановилось, а потом забилось с удвоенной яростью. Рука сама потянулась за спину, к колчану, нащупывая стрелу. В голове крутилась одна-единственная мысль, холодная и беспощадная:

«Будьте вы все прокляты… Я всех вас убью!»

Зверь внутри неё пробудился — с диким, утробным рыком, который, казалось, раздавался не только в её сознании, но и в самом воздухе вокруг. Он жаждал крови, требовал расплаты, угрожал всем вокруг не просто смертью — жестокой, мучительной казнью.

Тетива заскрипела, стрела сорвалась с лука — и в тот же миг разбойник, который наскакивал на Барлина, рухнул замертво, пронзённый насквозь.

— Сдохни, тварь! — выкрикнула Энаэль, и сама не узнала свой голос: он был хриплым, низким, полным такой ненависти, какой она никогда прежде в себе не ощущала.

Барлин заметил её и на мгновение замер, затем коротко кивнул и в следующий миг он уже ринулся к новому противнику. Его меч, описав сверкающую дугу, раскроил череп наступающего на него бандита с одного замашистого удара.

— Энаэль, берегись! — крик Фелиция разорвал шум битвы, прозвучав так громко, что девушка вздрогнула всем телом.

В тот же миг стрела, предназначавшаяся ей, просвистела в воздухе — всего в волоске от виска, чуть задев прядь волос. Тяжелый сильверитовый наконечник впился в балку слева от нее.

Вскричав от ярости, Энаэль развернулась, натянула тетиву и выстрелила в лучника. Стрела пробила броню в области живота, заставив врага захрипеть и пошатнуться. Но девушка на этом не остановилась — ещё один выстрел был контрольный, прямо в голову.

Удар получился настолько мощным, что тело лучника отбросило назад, впечатав в противоположную стену с глухим, жутким стуком. Он повис, пригвождённый к деревянному столбу, словно жуткая кукла, застывшая в нелепой позе.

Людей в чёрных доспехах с рисунком красного клинка на нагрудниках оставалось всего трое, и теперь они, теряя прежнюю наглость, пятились к выходу. Их движения выдавали страх — больше не было ни яростных атак, ни грозных криков. Один из них споткнулся о перевернутый табурет, едва не упал, но товарищи подхватили его под руки, не переставая оглядываться через плечо.

— Уходим, уходим! — хрипло выкрикнул один из них, и все трое, не отрывая настороженных взглядов от своих противников, шаг за шагом отступали, пока наконец не выскользнули спиной вперёд из трактира. Дверь с глухим стуком захлопнулась за ними, оставив после себя лишь эхо торопливых шагов, быстро затихающих где-то вдалеке.

В наступившей тишине, словно удар молота по наковальне, громко звякнул меч. Это Барлин, охнув от боли, осел на пол, судорожно вцепившись рукой за бок. Кровь проступала сквозь пальцы, алое пятно расползалось по одежде, оставляя тёмный след на досках пола. Его лицо исказилось от боли, но он всё ещё пытался подняться — тщетно.

— Папа! — Энаэль бросилась к нему, подхватила под руки, не давая окончательно упасть. Её сердце колотилось так сильно, что, казалось, готово было вырваться из груди. Пальцы дрожали, когда она ощупывала его плечи, проверяя, нет ли других ран.

На помощь тут же подбежал Фелиций. Вместе они осторожно усадили Барлина спиной к стене — его лицо побледнело, дыхание стало прерывистым. В воздухе витал металлический запах крови, смешиваясь с пылью, поднятой в ходе битвы.

— Всё хорошо, отец, мы победили, — дрожащим голосом произнесла Энаэль, стараясь говорить уверенно. — Сиди спокойно, я осмотрю рану.

Её руки дрожали так сильно, что едва слушались. Она разорвала рубашку на боку и невольно задохнулась от увиденного. Рана была глубокой, пугающе тёмной, с неровными краями — она явно затрагивала внутренние органы. Губы Энаэль затряслись, глаза наполнились слезами. Она сглотнула ком в горле, пытаясь совладать с собой, но голос всё равно дрогнул:

— Сейчас… сейчас я найду чем перевязать…

Фелиций отвернулся и шмыгнул носом, пытаясь скрыть собственные эмоции. Он огляделся вокруг, и взгляд его невольно упал на тело Беллы.

— Всё будет хорошо, мы тебя вылечим… Подлатаем. Будешь как новенький, — Энаэль прикрыла рану отца руками, но кровь всё равно просачивалась между пальцами. Слезы капали на его одежду, смешиваясь с алым. Девушка судорожно огляделась в поисках чего-то, что могло бы остановить кровотечение, но вокруг были только обломки мебели и следы битвы.

— Нет… — тихо, почти шёпотом произнёс Барлин. — Нет. Не в этот раз, Эни.

Он попытался поднять руку, чтобы коснуться её щеки, но сил не хватило — ладонь безвольно упала на колено. Его дыхание стало ещё более прерывистым, а взгляд мутнел. На лбу появилась крупная испарина.

— Я… папа, я… — она не могла выговорить ни слова, только шумно глотала слёзы и всхлипывала, сжимая его руку так, будто это могло удержать его в этом мире.

Фелиций подошёл ближе и ободряюще положил ладонь на её плечо. Его пальцы слегка дрожали.

— Где Белла?.. — с трудом выдохнул Барлин. Его голос звучал всё слабее, словно доносился издалека. — Я.. я должен её увидеть. Где моя дочка? Где твоя сестра?

Девушка понурила голову, скосив взгляд в сторону. Там, на полу, лежала Белла — неподвижная, бледная, с застывшим взглядом. В руке она сжимала ту самую карту, что подарила ей на память нынче ночью Энаэль. Она больше никогда не улыбнётся, не заговорит, не обнимет… Эльфийка на мгновение закрыла глаза, пытаясь сдержать новый поток слёз, но они всё равно покатились по щекам.

— Отец, Белла… — начала Энаэль, но голос предательски дрогнул. Она сжала зубы, пытаясь собраться с силами.

— Где моя дочь, Энаэль? — твёрже, почти требовательно произнёс мужчина. Его глаза, полные боли и надежды, обратились к ней.

— Она мертва, — прохрипел Фелиций, опустив глаза. — Прости, Барлин.

Глаза отца наполнились слезами, губы задрожали. Он с силой сжал руку Энаэль — это было последнее проявление его воли, последняя попытка передать ей свою силу. Его пальцы, холодные и влажные от крови, слегка подрагивали.

— Моя Белла… Моя маленькая девочка… — он шумно сглотнул, пытаясь совладать с собой. Его дыхание участилось, а затем снова замедлилось. — Моя дочка… Только на тебя вся надежда, Эни. Найди этих ублюдков. Найди и накажи их. Пусть ответят за всё.

— Отец… Я должна была вас защитить… Должна была… — слова путались, застревали в горле. Энаэль глотала слёзы, чувствуя, как её разрывает изнутри вина. Она была убеждена: эти люди вычислили её и пришли за ней. Но под их удар попали Барлин и Белла — те, кого она любила больше всего на свете. Она опустила голову, уткнувшись лбом в его плечо, и прошептала: — Это моя вина…

— Ты стала такой взрослой… — он слабо улыбнулся, и в этой улыбке было столько нежности и гордости, что Энаэль едва не закричала от боли. Его голос стал совсем тихим, почти неслышным. — Не вини себя, Эни… Береги себя, и что бы ни случилось, знай — я буду присматривать за тобой… Я и Белла…

Его рука, сжимавшая её ладонь, ослабла, лишившись последних сил. Глаза стали стеклянными, дыхание замерло. Барлин испустил последний вздох и затих.

— Нет… — губы девушки задрожали, — Нет… Папа, не смей уходить… Не оставляй меня одну!

Она отчаянно трясла его за плечи, словно надеясь, что это вернёт его к жизни. Но он не отвечал.

— Прости, Энаэль, — Фелиций снова положил руку на её плечо, его голос дрожал. — Прости, что не уберег. Я должен был…

Энаэль зарыдала в голос, прижала к себе тело отца, словно пытаясь защитить его от новой беды. Она обнимала его, шептала что-то бессвязное, молила очнуться — но он больше не отвечал.

#######

Сонелит остался позади — словно мрачный призрак прошлого, — как и ворота города с недовольными стражниками, которые вечно жалуются на жару летом и на холод зимой. Впереди, с небольшого холма, виднелся лес — тёмный, угрюмый, местами непролазный, будто нарочно созданный кем — то. А где-то недалеко шумел один из водопадов реки Штопор — его рокот казался насмешкой над тишиной, что поселилась в сердце Энаэль.

— Лес Разбойников, — произнёс Фелиций, когда они с Энаэль вошли в пределы леса. Его голос прозвучал глухо, почти потерявшись среди шелеста листьев и далёкого эха водопада.

Девушка что-то неопределённо промычала, не останавливаясь. Ей не хотелось разговаривать ни с кем — ни с Фелицием, ни с кем-либо ещё. Из-за смерти Барлина и Беллы она словно застыла во времени, погрузившись в ступор, из которого, казалось, нет выхода. Никто

не мог понять, насколько велика эта потеря — гибель единственных родных людей, тех, кто дал ей дом, тепло и надежду. Она так их любила, многим была обязана. И то, что случилось, — самое ужасное из всех возможных развязок.

Энаэль винила себя. Винила за то, что вообще сунулась в тот переулок ночью, — из чистого любопытства что ли. Именно тогда разбойники вышли по её следу на таверну. Она сама привела этих убийц к порогу родного дома. А ещё — она могла спасти свою семью. Должна была спасти. Но не смогла. Лучше бы она сама погибла — тогда, в переулке, в ту страшную ночь. Может, тогда Барлин и Белла были бы живы.

Они с Фелицием покидали таверну в спешке, почти в панике. Наскоро собрали сумки со съестным, забрали пару бутылок с маслом и несколько ветошей — руки дрожали, мысли путались. Энаэль при этом не проронила ни слова, молча пихая вещи в сумку, лишённая чувств и эмоций. Опустошенная. Фелиций же чувствовал себя виноватым и не приставал к девушке с расспросами — он видел, как её глаза потухли, а плечи опустились под тяжестью вины.

Перед выходом из таверны эльфийка долго сидела на покосившейся лавке, глядя на лежащих рядом отца и сестру, словно спящих сейчас. Сердце в груди рвалось на части — она так жалела, что не могла сейчас похоронить их как следует, прочитать над могилами молитвы, посадить у холма цветы, которые Белла так любила. Нужно было спешить: стража уже бежала сюда, чтобы наказать виновных. А увидев здесь эльфийку и подозрительного парня в чёрном доспехе, решили бы, что они и есть убийцы. Потому девушка лишь упала на колени перед родными, прощаясь, и накрыла их простынями — тонкими, выцветшими, совсем не достойными тех, кто был ей дороже всего на свете. Она очень надеялась, что власти Сонелита отдадут им последние почести как положено. Единственное, что смогла сделать Энаэль — это забрать из окостеневшей руки Беллы ту самую нарисованную карту, которую она оставила ей на память. И которая, теперь, рисковала быть выброшенной, когда стража заметит тела ее родных.

— Эй. Ты меня вообще слушаешь? Энаэль? — Фелиций дотронулся до плеча эльфийки, и та резко дёрнулась, даже отстранилась, будто его прикосновение обожгло ее.

— Что?

— Я говорю, скоро обед. Надо бы подкрепиться, — Фелиций остановился сам и мягко придержал девушку за плечо. — Я знаю, о чём ты думаешь сейчас. Возможно, я единственный человек, который может тебя понять в этой ситуации.

— Правда? Уверен? — Девушка скинула его руку ещё раз, её голос дрогнул. — Я виновата в том, что произошло! Это я стала свидетельницей убийства в переулке. Я думала, что сбросила хвост, запутала их. Но, видимо, я ошиблась. Это из-за меня, в конце концов, убили Барлина и Беллу.

Каждое слово давалось ей с трудом, будто вырывалось из самой глубины души, где скопилась вся боль и отчаяние.

— Ты мне не рассказывала ту историю. Когда это было? Что за люди? И что они сделали? — Фелиций непонимающе сузил глаза, его лицо исказилось от тревоги.

Энаэль походила немного перед ним, потерла лоб, словно пытаясь стереть воспоминания той злополучной ночи, и глухо проговорила:

— Тем вечером, когда мы возвращались назад, с охоты. Я наткнулась на толпу людей, один из которых убил кого-то. Видимо, должника, или что-то типа того…

И она вкратце, с неохотой пересказала ему события той ночи — голос её звучал безжизненно, а глаза смотрели куда-то вдаль, будто она снова видела тот переулок, тени, блеск ножа. Фелиций лишь молча слушал.

Когда она закончила, Фелиций вздохнул, покивал, поиграл желваками и сказал:

— Скорее всего, так и есть. Это они напали на твой след. Мне очень жаль, Энаэль. Ты сама знаешь, что лучше горькая правда.

Энаэль отвернулась и тайком утёрла слёзы — они катились по щекам, холодные и бесполезные, не способные смыть вину или вернуть тех, кого она потеряла. Лес вокруг казался ещё мрачнее, а шум водопада — ещё более безжалостным.

— Кем были эти люди? Почему они так поступили?

— Я не…

— Фелиций, у тебя такой же доспех, как и у тех, кто гнался за мной той ночью! Как у тех, кто убил моих родных! Я должна знать…

Парень увел взгляд в сторону и коротко вздохнул.

— Ответь мне, — чуть пристукнула его кулаком в грудь эльфийка.

— Это, скорее всего, были Кровавые Клинки. Древний орден наемников, которые берутся за любое дело, если им хорошо заплатить, — Фелиций проговорил все так, будто выдавливал слова. Он не поднимал глаз на Энаэль, глядел куда — то себе под ноги, — Вероятно, они выполняли той ночью заказ. И увидели тебя. Ты свидетель. Свидетелей нужно убирать.

— Что…

Энаэль взялась руками за голову. Она не могла поверить в сказанное.

— Так что, они выследили тебя, пробрались в таверну. Я был в обеденном зале, разговаривал с твоим отцом, когда они вошли, — Фелиций неуверенно посмотрел на собеседницу, — сначала они начали узнавать про тебя. Мы заспорили. Пара человек вытащили оружие. Началась драка. Барлин схватился за меч. На шум прибежала Белла, а потом…

— Ее ранили, — закивала девушка, представляя про себя всю картину случившегося.

— Да, — хрипло проговорил парень, — я не успел. Просто не успел закрыть ее. Прости… Прости меня Энаэль.

Эльфийка прикрыла глаза рукой, скрывая слезы. Она прекрасно понимала, что Фелиций рисковал своей жизнью, старался защитить ее родных.

— Но, — проговорила она, шмыгнув носом, — их доспехи… черные с красным кинжалом на груди. У тебя он такой же. Ты — один из них? Ты Кровавый Клинок?

— Бывший, — покачал головой Фелиций, — я не могу знать, что происходит сейчас в ордене. И не могу отвечать за их поступки. Я отвечаю только за себя.

Энаэль снова зарыдала. Горькие слезы утраты застилали ей глаза, горячими ручьями катились по щекам, гроздями падали на пока еще зеленую траву. Она и верила ему и не верила одновременно. Бой с этими убийцами, конечно, показал все, как есть — Фелиций был против Кровавых Клинков, он убивал их также осознанно, как Энаэль, защищая тех, кого должно.

Но, что, если… Фелиций не тот, за кого себя выдает? Что, если он не случайно объявился тем днем в ее таверне, завел с ней знакомство, чтобы… чтобы…

Получалось нескладно. Девушка, глухо рыдая, не могла разумно думать, однако, где-то в глубине души понимала, что парень сделал все, чтобы защитить ее семью.

Фелиций подошел к ней вплотную и крепко обнял ее. Он прижал девушку к себе, словно показывая этим жестом, что сочувствует. Что рядом. Что он с ней заодно.

Энаэль могла только обхватить парня за талию и рыдать ему в плечо. Они стояли так довольно долго, пока ее плач не поутих, сменившись редкими всхлипываниями.

— Знаешь… — Парень поднял голову вверх. Птицы беспечно щебетали в осеннем лазурном небе, солнце уже давно не жарило, но еще немного припекало. — Когда я сказал, что я могу тебя понять, я был уверен в своих словах. Ты не единственная, кто потеряла своих близких очень рано.

Девушка продолжала стоять, уткнувшись в его плечо, внимательно слушая. Ветерок трепал ее волосы, но был недостаточно сильным, чтобы сорвать капюшон плаща.

— Когда я был маленький, мы жили в небольшой деревне. Мама и папа были фермерами, выращивали овощи и хлеб. Из детей нас было двое — я и младшая сестра Элеонора. В

четыре года она начала проявлять магические способности, я это видел. И родители это видели. Они хотели все сохранить в тайне и не отдавать Элен в Харасту. Но в шесть лет она случайно сорвалась и заклинанием выжгла целое поле. Она не хотела, но энергия, которая накопилась, должна была выплеснуться и она выплеснулась. Тогда родители решили отдать Элен в башню Синода магов. В Харасту. Когда ей исполнилось семь, родители повезли ее в Башню, а меня оставили одного при хозяйстве. Через пару недель, когда родители должны были вернуться, лошади привезли телегу, а в ней лежали окровавленные трупы моих родителей. — Фелиций поиграл желваками, а руки сжал в кулаки. Энаэль четко это ощутила, ведь они все еще стояли в обнимку. — Они успели отвезти Элен, но на обратном пути кто-то убил моих родителей, ограбив, и отправив лошадей с повозкой домой.

Энаэль округлила глаза. Она живо представила себе эту картину: маленький мальчик, в нетерпении ожидающий возвращения своих родных, стоящий на крыльце, видит раскуроченную телегу, из которой капает кровь. Ребенок открывает глаза от ужаса и его крик боли, страха и горя распугивает всех местных птиц. Она понимала, как сжималось сердце Фелиция тогда — ведь сама чувствовала тоже самое.

Рассказ Фелиция, который по идее, должен был успокоить девушку, наоборот только усилил печаль и боль. Не только за себя, но и за него.

— И сейчас я иду в Харасту, чтобы найти свою сестру. Потому что, чувствую, что что-то не в порядке. И не могу этого объяснить. Просто… так надо, понимаешь? И если и с ней происходит что-то плохое — пресечь это сразу.

Энаэль покивала, хмуро глядя прямо перед собой.

— Так что, я тебя отлично понимаю… — Фелиций невесело улыбнулся, и в этой улыбке читалась глубокая, затаённая печаль. Его глаза, обычно живые и искрящиеся, сейчас казались потухшими, словно в них догорали последние угли. — И вот что я тебе скажу. Не жалей мёртвых, Эн. Жалей живых. Твоя забота и любовь важнее тем, кто ещё жив и рядом — тем, кто нуждается в тебе прямо сейчас.

Возможно, Фелиций прав, подумалось девушке. Возможно, ей стоит отпустить родных, ушедших в вечность, и попытаться жить дальше. Но что она могла сделать? Чувства вины и скорби въедались в душу, словно едкий дым, разъедая её изнутри. Они вгрызались в сердце, оставляя глубокие, кровоточащие раны. Казалось, ничто в этом мире — ни время, ни новые встречи, ни радость — не сможет заполнить пустоту утраты.

Перед глазами всё ещё стояли улыбающиеся лица Барлина и Беллы: вот они смеются, вот ласково смотрят на неё, вот шепчут напутствия во время прощания… Яркие, тёплые моменты из детства вспыхивали в памяти, как вспышки далёких звёзд. Она вспомнила, как Барлин учил её стрелять из лука — терпеливо поправлял руки, подбадривал, когда стрела летела мимо цели. А Белла, ее сестра, ее единственный светлый лучик в жизни, всегда норовила свести Энаэль с очередным женихом, делилась самым сокровенным… Эти воспоминания были такими живыми, что Энаэль почти слышала мягкий голос Беллы.

Но следом, безжалостно и неотвратимо, застывала картина их смерти. Она задерживалась надолго, словно кто-то в голове Энаэль нарочно насмехался над ней, заставляя снова и снова окунаться в ледяное болото отчаяния и не позволяя выбраться. В ушах звучал последний вздох Барлина, а перед глазами стояла неподвижная фигура Беллы, лежащей у барной стойки родного дома…

— …У меня нет никого рядом… — Энаэль обернулась к парню, и голос её дрогнул, выдавая всю глубину одиночества, которое сковывало её сердце. Её пальцы непроизвольно сжались на плече парня, а взгляд устремился куда-то вдаль, туда, где остались лежать её родные.

— У тебя есть я. — Фелиций мягко улыбнулся. Он чуть отстранился, взял её за руку — осторожно, бережно, словно боялся спугнуть. В его прикосновении было столько тепла и

искренности, что на мгновение Энаэль показалось, будто мир вокруг стал чуть светлее. Та не противилась.

Она просто даже не успела понять, как это получилось, — в следующий миг их губы встретились, легко коснувшись друг друга. Внутри всё затрепетало, будто тысячи бабочек разом взмахнули крыльями, а мир перевернулся, окрасившись в новые, неведомые прежде цвета. В голове мешались мысли: горе, которое она так долго носила в себе, постепенно перекрывалось новым, доселе неизведанным чувством — тёплым, волнующим, живым. И девушка никак не могла объяснить это. Её первый поцелуй…

Конечно, она его совсем не так представляла — в мечтах всё было иначе: романтично, возвышенно, с закатом на фоне и шёпотом признаний. Они стояли бы на холме, ветер играл бы её волосами, а Фелиций смотрел бы на неё так, будто она — самое дорогое, что есть в его жизни. Но в жизни всё намного прозаичнее, что порой удручает. И всё же… в этом простом, почти случайном прикосновении было что-то настоящее, искреннее — то, что растопило её.

Наконец они отстранились. Парень внимательно смотрел в глаза Энаэль, словно пытался прочесть в них ответ, ждал реакции на всё происходящее. В его взгляде читалась нежность, смешанная с тревогой: он боялся, что она оттолкнёт его, что момент будет испорчен.

Энаэль обвила руками шею парня и тихо, почти шёпотом, произнесла:

— Если у меня есть ты — не уходи.

Парень только мотнул головой:

— Да ни за что.

Энаэль несмело улыбнулась, пытаясь подавить тяжёлые воспоминания. Она отстранилась, поправила длинные волосы, сдула непослушный локон с глаз. Фелиций понравился ей с самого начала — его открытая улыбка, лёгкая походка, умение быстро найти выход из ситуации, мастерство в бою. А теперь она, кажется, влюбилась в него по уши. Возможно, теперь, в её жизни произошло что-то хорошее — что-то светлое, настоящее. В душе словно запели птицы, наполняя сердце робкой надеждой…

— Птицы… — вдруг прошептала она, и сама удивилась своим словам.

— Ты о чём? — не понял Фелиций, слегка нахмурившись.

Энаэль покружилась на месте, обводя взглядом кроны деревьев, вслушиваясь в тишину леса. Её лицо стало тревожным. Лес, который ещё минуту назад казался таким темным и мрачным, но, все же, мирным, вдруг предстал перед ней в новом свете — слишком тихо, слишком неподвижно.

— Птицы не поют. Их что-то спугнуло…

Фелиций прислушался. Через секунду его лицо исказила гримаса тревоги, и он, схватив девушку за руку, чуть ли не бегом направился к пригорку. Глаза его встревоженно метались по сторонам, выискивая опасность.

Ещё несколько мгновений — и Энаэль тоже поняла, в чём дело. Стражники. На бегу она услышала бряцанье железных доспехов и топот конских копыт, с треском ломающих сухие ветки. Звуки приближались, становились всё отчётливее. Судя по всему, стражники на лошадях нагоняли Фелиция и Энаэль. Теперь они могли слышать их разговоры и недовольные хрипы лошадей, уставших от погони.

Фелиций повёл эльфийку влево, и девушка заметила небольшое углубление в склоне — оно походило на маленькую пещеру, скрытую среди корней старых деревьев. Вход был почти незаметен, прикрыт свисающими ветвями плюща и папоротника.

— Давай туда, — почти не шевеля губами, распорядилась она. Парень в ответ кивнул, и оба с разбега залетели в углубление, которое на поверку оказалось достаточно вместительным, чтобы укрыть их обоих. Следом за ними с пригорка посыпалась сухая листва, надёжно закрывая от взора стражников временное убежище путников.

Внутри было прохладно и сыро, пахло землёй и грибами. Энаэль прижалась к стене, стараясь унять бешеное сердцебиение. Фелиций сел рядом, его рука нащупала её ладонь и крепко сжала — этот жест говорил больше слов: «Я с тобой».

— Теперь что? — тихо выдохнул Фелиций, глядя, как один из стражников медленно подъехал к кустарнику в метрах тридцати от их импровизированного укрытия.

— Слушаем и ждём удачного момента, — шепнула в ответ Энаэль. — Стражники в Сонелите особенным умом не отличаются. На личном опыте знаю. Какую-нибудь промашку да допустят.

Рыцари спешились напротив убежища путников. Девушка насчитала семерых, но, скорее всего, их было больше — где-то за деревьями могли скрываться ещё. Представители порядка были, как всегда, облачены в железную кольчугу поверх лёгких кирас, с широкими двуручными мечами за спинами. Их фигуры в доспехах выглядели грозно и неумолимо. Один из них пнул ногой сухую ветку, другой что-то буркнул, оглядываясь по сторонам.

Энаэль и Фелиций замерли, прижавшись друг к другу, прислушиваясь к разговору стражников, стараясь уловить каждое слово. Их дыхание почти слилось, а сердца бились в унисон — быстро, тревожно, но вместе.

— Они должны быть где-то здесь, — грубым голосом проговорил самый высокий и, должно быть, самый главный из них. Лица его не было видно из-за забрала стального шлема.

Он сделал шаг вперёд, его меч чуть звякнул о камень. Возможно, стражник, в порыве ярости ударил оружием по булыжнику.

— Вы видели, какой пог`ром они устг`оили в той таверне? Посетители и хозяева убиты. Мог`е кг`ови. Нам стоит опасаться их. Эти двое — настоящие звег`и! — послышался в ответ хриплый и картавый голос второго стражника. В его словах сквозила неприкрытая ненависть. Он нервно провёл рукой по рукояти меча.

— Приказ есть приказ, — резко оборвал его первый. — Рассыпаться, ищем!

Энаэль и Фелиций переглянулись. Парень глядел на нее в немом вопросе, застывшем где-то в горле.

— Может, лучше дождёмся вечера? — предложила эльфийка, стараясь говорить как можно тише. Её голос дрожал. — Ночью будет проще уйти незамеченными.

#######

Густые сумерки окутали лес, поглотив последние отблески заката. Воздух наполнился прохладой и терпким запахом хвои, а в кронах деревьев уже раздавались ночные звуки: далёкий крик совы, шорох листвы под лапами зверей. После нескольких часов безуспешных поисков капитан стражи, усталый и раздосадованный, подозвал к себе остальных.

— Все ко мне! — громко и властно бросил он, хлопнув в ладоши.

Стражники, тяжело ступая по влажной земле, медленно собрались вокруг командира. Их доспехи тускло поблескивали в угасающем свете, а лица казались измождёнными.

— На сегодня хватит, — объявил капитан, хмуро оглядывая окрестности. — Не видно почти ни зги. Разводим костёр неподалёку отсюда, на опушке. Продолжим завтра с рассветом.

Один из стражников, вероятно, молодой и неопытный, робко пробормотал:

— А если они за ночь уйдут ещё дальше?

Капитан резко обернулся к нему:

— Тогда будем искать дольше, — отрезал он. — Или ты предлагаешь бродить тут в темноте и ломать ноги о корни?

Молодой стражник потупился и молча отступил назад.

Стражники, взяв коней под уздцы, развернулись и скрылись в чаще леса, их шаги постепенно затихали вдали.

Энаэль, дежурившая в это время, осторожно пихнула локтем задремавшего Фелиция.

— Эй, подъём, — прошептала она, едва шевеля губами. — Они ушли.

Фелиций вздрогнул, открыл глаза и сонно протёр их.

— Отлично, — зевнул он, потягиваясь. — Будем уходить, пока темно. Только пешим ходом долго слишком…

Энаэль кивнула, соглашаясь, а после нахмурила брови, задумчиво глядя в сторону опушки.

— Пешим ходом точно далеко не уйдём, — тихо произнесла она.

— У тебя такой взгляд, словно ты что — то придумала, — вопросительно поднял брови Фелиций, наклоняясь ближе, — есть идеи?

— Есть, — прошептала эльфийка, и, поймав недоумевающий взгляд парня, добавила: — Лошадей видишь? Моя белая, твоя вороная… Остальных с пинка вглубь леса — и пусть стражники пешком ходят.

— У меня поправка, — шикнул парень в ответ, хитро прищурившись. — Не хочу вороную. Гнедую хочу.

Энаэль бросила взгляд вслед уходящим стражникам, затем усмехнулась.

— Да хоть зелёную, — фыркнула она. — Пошли.

— Постой, — остановил её Фелиций, хватая за руку. — А если заметят? Там же караульный наверняка останется.

— Не останется, — уверенно ответила Энаэль. — Капитан слишком устал, чтобы думать о карауле. Да и поставь себя на его место. Ты бы подумал о том, что кто-то рискнёт напасть на отряд стражи?

— Ну да, ну да, — хмыкнул Фелиций. — Мы же не нападать собираемся, а всего лишь… позаимствовать лошадей, верно?

— Именно, — подмигнула эльфийка. — Позаимствовать.

Они осторожно выползли из укрытия, стараясь не шелестеть листвой. Энаэль кралась впереди абсолютно бесшумно, словно тень. Фелиций же, хоть и пытался не шуметь, наступал на всё, что могло трещать: сухие ветки, листья, мелкие камешки. Его, должно быть, слышал весь лес — но только не стражники, которые сами шумно передвигались, перекрикиваясь и бряцая доспехами.

— Стоп, — эльфийка резко подняла руку, и шелестящий Фелиций замер сзади, едва не налетев на неё.

Они остановились, прислушиваясь. Стражники привязали лошадей к деревьям и разбрелись в поисках хвороста или чтобы расставить палатки. Слышны были только неумолкающие выкрики и команды главного стражника, который, разумеется, ничего не делал сам — только раздавал указания.

— Ждём здесь, — прошептала Энаэль, не отрывая взгляда от опушки. — Пока костёр разожгут. А потом двух коней забираем, остальных в шею гнать.

— И как? — парень непонимающе вгляделся в голубые глаза эльфийки. — Объясни, как? Интересно же…

— Увидишь, — кивнула Энаэль, и в её глазах заплясали озорные искры. — Если что — отвлечём внимание. Ты умеешь громко кричать «Волки!»?

Фелиций на мгновение замер, затем расплылся в улыбке:

— Ещё как умею… Но разве они поверят?

— Поверят или нет, — Энаэль снова вгляделась вперед.

— … это не важно, — закончил за неё Фелиций, уже предвкушая авантюру. — Ладно, я готов. Когда начинать?

— Как только разожгут костёр, — Энаэль прижала палец к губам. — Тише. Сейчас главное — не выдать себя раньше времени.

Фелиций кивнул, и оба замерли в ожидании, сливаясь с тенями леса.

#######

— Они костёр уже давно разожгли, — шикнул парень в сторону эльфийки, которая от безделья оттягивала и отпускала тетиву лука, а та в ответ тихо тренькала, нарушая напряжённую тишину сумерек. Вдалеке слышались грубые голоса стражников — то ругань, то смех.

— Пусть разгорится, — спокойно ответила Энаэль. Её глаза, цвета неба, блеснули в свете угасающего дня. — Помнишь, мы взяли в таверне масла? — Она достала из сумки один из пузырьков, который, когда-то, стоял на полке рядом с прилавком Барлина. Пузырек был украшен витиеватой резьбой и покрыт тонким слоем пыли.

— Ну, — кивнул парень, настороженно поглядывая на лагерь стражников.

— Сейчас мы это используем. Оно же точно горит? — в голосе Энаэль проскользнула нотка сомнения.

— Конечно горит, — Фелиций понимающе улыбнулся, и на миг его лицо осветила ностальгическая улыбка. — Им лампы заправляют. Да и не только… Помню, в детстве мы с пацанами поджигали тряпки, смоченные в таком масле — так они полыхали! Мы тогда чуть сарай не спалили, — он тихо рассмеялся, но тут же оборвал себя, бросив быстрый взгляд на лагерь.

Энаэль молча кивнула и аккуратно обмотала наконечник стрелы пропитанной маслом тряпкой.

— Ну, значит, пусть не обижаются, — она окинула взглядом лагерь стражников, оценивая расстояние и расположение часовых. Потом снова обернулась к парню, и в её взгляде мелькнуло что-то, чего Фелиций не смог распознать — то ли нотки озорства, то ли лёгкая тревога. — мне надо обойти лагерь и встать напротив лошадей так, чтобы стрела прошла через костёр к месту, где привязали животных. А тебе, если меня заметят, все же, придется кричать: «Волки!».

— А если стража увидит тебя во время выстрела? — нахмурился Фелиций, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Тогда кричи громче, завлеки их внимание прежде, чем они успеют поднять тревогу, — усмехнулась Энаэль. — Пока что они слишком заняты. Капитан орёт, остальные суетятся — никто не смотрит в нашу сторону. Я перебегу. Но если что — то пойдет не так и меня заметят — начинай истошно орать.

Энаэль быстро перебежала на требуемое расстояние, пригибаясь к земле и постоянно сверяясь с положением костра, со стоящими за ним лошадьми. Ветви кустарника цеплялись за одежду, а под ногами то и дело хрустели сухие ветки, заставляя бывалую охотницу замирать и прислушиваться. Наконец, она нашла идеальную площадку — небольшой выступ, с которого открывался чёткий обзор на лагерь. Эльфийка тут же наложила стрелу на тетиву.

— У меня только одна попытка, — заволновалась девушка, и впервые за весь вечер в её голосе прозвучала неуверенность. — Если промахнусь, мою стрелу увидят — и тогда тебе придется очень истошно кричать.

— Я тебя не тороплю, — кивнул Фелиций и устремил взгляд вперёд, стараясь не выдать собственного волнения.

Энаэль сделала пару глубоких выдохов, полностью замедляя дыхание, чтобы успокоить бешено колотящееся сердце. Прицелилась, натянула тетиву посильнее и на полувыдохе плавно отпустила стрелу в полёт.

Стрела просвистела через костёр, набрав на масляную тряпку огонь, и вонзилась в сушняк рядом с лошадьми. Трава и листья в секунду вспыхнули пламенем, и лошади беспокойно заметались, неистово хрипя и натягивая привязи.

Стражники на другом конце тоже заметались. Капитан стражи вскочил и, костеря своих подопечных, огонь и жизнь в целом, начал раздавать указы вперемешку с бранью и тумаками. Но куда там!

Огонь так сильно разгорелся, что ни один из стражников не мог подобраться к лошадям. Они только бестолково суетились у стены пламени, то и дело отпрыгивая от языков огня, которые уже подбирались к их сапогам.

— Получилось! — поднял брови в удивлении Фелиций. — У тебя действительно получилось!

— Совсем в меня не верил, да? — Девушка сорвалась с места и побежала к лошадям, чтобы зайти к ним с противоположной стороны огня — туда, куда страже сунуться ума не хватило. Её потрепанный плащ развевался за спиной.

Фелиций покачал головой и, усмехнувшись, рванул за ней.

Всё получалось как нельзя лучше. Энаэль наскоро разрезала верёвки, которые держали лошадей в плену огня, придержала себе и Фелицию по коню, дождалась, пока напарник добежит до неё, прыгнула седло и громко гикнула, разгоняя остальных ездовых в разные стороны.

Когда Фелиций был уже в седле, она развернулась, успокаивая своего коня. Она взглянула на капитана стражи, который что-то кричал, вытаскивая меч из-за спины. К сожалению или к счастью, но его брани не было слышно — лишь отдалённый крик и треск пламени. В любом случае, он и его люди остались без лошадей, а она, Энаэль, сейчас на коне — в прямом и переносном смысле. Напоследок эльфийка не удержалась и высунула язык, показав его капитану.

— Пора, Эн! — Фелиций развернул коня и поскакал в противоположную от Сонелита сторону.

Оглядев суету, которую она навела, Энаэль вдарила сапогами по бокам лошади и ускакала прочь, вслед за парнем.

Догнала она его через несколько метров, всё ещё откашливаясь от горького дыма, который теперь смешивался с запахом свободы.

— Чего так долго? Что ты там ему, рожи корчила, что ли? — возмутился Фелиций.

— Как ты догадался? — подняла взгляд на него Энаэль. Её капюшон слетел, волосы растрепались, а лицо раскраснелось от жара и волнения.

— Я бы тоже корчил, — хохотнул парень и, ударив коня по бокам, перешёл на галоп.

Энаэль хмыкнула, направляя свою лошадь за парнем.

Однако, чуть позже ее веселость улетучилась. Ее снова охватило уныние. И, хотя, она, наконец, была свободна. Наконец могла идти куда хотела, с кем хотела и когда хотела. Но все это ей досталось дорогой ценой.

Она хотела уйти из родного дома — таверны как дочь и сестра, которую любят и будут ждать. А в итоге, сбегала оттуда, как вор. Как убийца. Стражники, что пустились вслед за ней и Фелицием, наверняка думали о них именно так. Скорее всего, Кровавые Клинки ушли из города намного быстрее, чем хранители порядка во главе с капитаном заметили их. Таким образом, получается, что она и Фелиций — оба подозреваемые и путь назад, в Сонелит, им закрыт. По крайней мере, пока что.

От этого на душе становилось еще более тоскливо и пакостно. Мысленно она просила прощения у отца и сестры. За все. За то, что не спасла. За то, что сбежала. За то, что сама осталась в живых. Она никогда их не забудет. И однажды Энаэль туда вернется. Вернется, чтобы найти виновных и покарать их.

Вернется, чтобы склонить голову на могилах своих родных.

Глава 4

Некромант в городе

Сириус, 20 числа месяца Последнего Зерна

Солнце только-только поднималось на востоке, озаряя золотистым светом далекие горы, что возвышались над Кристальным озером. В небе пели ранние птицы, то сбиваясь в стайки, то снова расставаясь. Сохнущая, некогда изумрудная трава качалась в такт легкому дуновению ветерка. Полевые цветы грустно кивали бутонами, словно понимая, что скоро закончится время их цветения, и придется укрыться под толстый слой холодного снега. Природа за пределами Сонелита и леса Разбойников в целом, оказалась очень даже пристойной, и, как будто, не сулила никаких опасностей. И все было так необычно, словно Энаэль, которая, сейчас рассматривая с жаждой все вокруг, попала в совершенно новую страну.

Когда путники, легко гарцуя на лошадях, рассматривали золотистые поля пшеницы, что принадлежали уже городу Эндор, их неожиданно отвлек писк животного в траве у дороги. Зашелестев колосьями и подняв в воздух клубы пыли, мимо них прошмыгнул серый заяц. Энаэль, которая привыкла охотиться на них, инстинктивно рванула рукой за луком. Но отдернула сама себя. Зачем ей смерть этого животного сейчас? У них достаточно пожитков, чтобы можно было неделю жить и ни в чем себе не отказывать. А еще — куча золота, что сейчас покоилась в колчане Энаэль.

Заяц, спустя нескольких секунд скачек, словно понял, что убегать ему не нужно, и остановился, удивленно рассматривая двух коней и их седоков. Энаэль, разглядывая его, усмехнулась. Зверек был такой смешной, словно игрушечный, тот самый, который остался в ее комнате дома.

Оставив зайчишку далеко за спиной, путники дошли до перекрестка с указателями. В центре него возвышалась статуя богини, облаченной в легкое платье, что закрывало грудь. В руке богиня держала копье, а у ног ее сидел огромный пес, который смотрел куда-то вдаль, словно выжидая приказа. Таблички здесь, увы, не было. Но Энаэль знала — это статуя была возведена в честь пророчицы Вергилии — невесты Создателя, которую, кажется, казнили за что-то. Эльфийка не помнила точно всю историю, знала только основы. У подножья статуи горели свечи, несмотря на прохладный ветерок, совсем не дрожащие. А рядом с ними — цветы, мелкие монетки и другие подношения.

На этом перекрестке, следуя указателю, Фелиций и Энаэль обогнули статую Вергилии и продолжили движение вперед. Парень несколько раз доставал карту, сверяясь с ней. Энаэль где-то на секунду показалось, что ее напарник не доверяет указателям, но позже подумала, что парень мог, вероятно, просчитывать путь снова. Видимо, так оно и было. Фелиций постоянно бурчал себе под нос названия городов и трактов, которые они должны были пересечь, словно какую-то мантру.

Через полчаса, когда солнце полностью приняло в свои прохладные объятья новый день, Энаэль почувствовала, что бессонная ночь скачек пошла ей явно не на пользу. Слипались глаза, ныли бедра от неудобного седла, шумело в ушах. И чтобы как-то привести себя в чувство, девушка накинула капюшон походного плаща на голову. Фелиций же, напротив, выглядел вполне бодрым, неустанно бормоча что-то себе под нос. Иногда он замолкал, а после нескольких минут молчания, начинал бурчать снова.

Еще через полчаса из-за пригорка показались ворота городка Эндор. Они были в минутах десяти пути. Справа и слева показывались крестьяне с косами, серпами, граблями и другой утварью. Одни шли прямо по золотистой ниве пшеницы, другие же по дороге, навстречу

Фелицию и Энаэль. Здесь были и молодые, распевающие песни парни и девушки, и унылые, уставшие от жизни старики и старушки. Эльфийка разглядела здесь нескольких низкорослых и безбородых гномов, погоняющих двух буйволов маленькими кнутами. За ними, одетые в странные для этой местности одежды, бодро ступали сайфраты — человекоподобные кошки. Один из них держал длинную, непомерную по росту косу, а остальные кошколюды, виляя разномастными хвостами, несли грабли. Никто из крестьян не обращал внимания на Фелиция и Энаэль.

Шел месяц Последнего Зерна. Прохладное утро и возможные заморозки — уже не редкость. Воздух был пронизан терпким запахом опавшей листвы и влажной земли. Над полями порой висел лёгкий туман, сквозь который пробивались лучи солнца, золотившие колосья ещё не убранных хлебов. Крестьяне в это время отправлялись собирать урожай — овощи и хлеб. Вдоль дорог виднелись фигуры людей с корзинами и мешками: кто-то аккуратно выкапывал корнеплоды, кто-то срезал последние кочаны капусты. Овощи хранили в ящиках и бочках, чтобы потом отправить в погреба, а хлеб связывали в снопы, жали, зерно молотили на мельницах, солому заготавливали скоту.

В рощах уже понемногу желтели листья — золотистые берёзы и багряные клёны роняли их на землю, образуя пёстрый ковёр. Вдалеке слышалось мычание коров, которых гнали на пастбище, и перекличка деревенских детей, помогавших родителям. В этом месяце велись приготовления к лютой зиме. Поэтому и назывался месяц — Последнего Зерна.

Энаэль немного поёжилась в седле и огляделась: вдоль дороги росли дикие яблони с мелкими красными плодами, а у обочины журчал чистый ручей, в котором отражались тяжелые осенние облака. Прохлада — это, конечно, хорошо, но горячий ветерок сейчас точно бы не помешал. Да и поесть тоже следовало бы. За время их пути они так и не перекусили, а сейчас голод и бессонница боролись в организме Энаэль за место под солнцем.

— Фелиций, надо бы лошадей покормить, да и самим поесть. У меня в животе сейчас всё скрутит, — эльфийка обернулась к попутчику, который только подъехал, потому что чуть отстал, пропуская вперёд телегу с бочками.

— Давай тут остановимся ненадолго. Эндор — городок приятный, — Фелиций пожал плечами, оглядывая виднеющиеся впереди крыши домов и дымок из труб. — И да, кстати, есть хочется жутко. Вон конюшни. Можно там оставить лошадей, пока в городе будем. Только заплатить придётся. Ну, за солому, воду и присмотр.

— Понятное дело, все мы люди, всем кушать хочется. Давай тогда лошадей до конюха, — Энаэль похлопала свою кобылу по шее, та тихо фыркнула в ответ.

Они спешились, взяв лошадей под уздцы, повели их к пустой конюшне. Конюха там не оказалось. Вокруг царила тишина, лишь где-то вдалеке лаяла собака да скрипели колёса проезжающей телеги.

— Может, он дома, но спит ещё… — Энаэль пожала плечами, глядя на небольшой домик рядом с конюшней, из трубы которого не шёл дым.

— Думаешь? — с сарказмом ответил ей Фелиций. — Конюх, он встаёт рано, задаёт корм и питьё лошадям, чистит конюшни…

— Ладно, я поняла, не читай мне утренних лекций, — подняла руки к небу Энаэль, как будто сдаваясь. — Но всё же, давай постучим, вдруг он в доме.

Фелиций пожал плечами и подошёл к двери.

— Может и так, — он коротко постучал.

За дверью никто не ответил.

— Я же говорю, спит, — самодовольно упёрла руки в боки Энаэль, слегка пиная носком сапога камешек.

Фелиций постучал ещё раз, но снова с тем же эффектом.

— Может, его дома нет… — задумчиво проговорил Фелиций, хмуро глядя на запертую дверь.

Энаэль закатила глаза.

— Да давай просто лошадей поставим в стойла. Они найдут что пожевать, вон соломы сколько. А напоим их у ближайшей реки. Да жрать уже пойдём.

— Эй, вы! — окликнул их голос позади.

Энаэль и Фелиций разом обернулись, и сердце девушки ухнуло в пятки. Это был стражник Эндора, одетый в лёгкую кирасу с жёлтой туникой. На поясе висел меч, в левой руке стражник держал щит с рисунком — ветка чертополоха на фоне солнца — видимо, герб Эндора. Лица стражника не было видно за шлемом, лишь тёмные глаза сверкали в прорези.

— Зачем вы ломитесь к конюху в дом? — стражник подошёл ближе, тяжело ступая по земле. — Никак в тюрьму захотели?

— Коней хотим оставить, а хозяина то ли дома нет, то ли спит, — как можно спокойнее проговорила Энаэль, проглотив ком в горле. Фелиций вообще замер у двери с поднятым кулаком, словно парализованный.

— Странно, — проговорил стражник, подойдя к двери дома и прислушиваясь. — Гэньол обычно рано встаёт. Да и лошадка у него есть своя, только ехать ему некуда. Один остался на всём свете. А тут, вишь, даже лошади и нет. Странно это.

— Может, всё-таки уехал куда? — Фелиций всё понял, опустил руку и исподтишка мотнул головой Энаэль, мол: «всё нормально, расслабься, стражники тут нас не знают».

— Нет, не мог он, — патрульный мотнул головой. — А ну-ка, подвинься, сынок, я посмотрю, что с дверью.

«Сынок», который был шире в плечах, чем его «папаня», ушёл в сторону, давая проход стражнику. Энаэль не удержалась и хихикнула, поставив себе галочку подначить как-нибудь Фелиция насчёт «сынка».

— Странно… — ещё раз проговорил патрульный, дёргая ручку двери. — Дверь заперта изнутри, и никто не отвечает. Уж не помер ли…

— Это можно проверить? — Энаэль переметнулась с ноги на ногу, нервно теребя прядь волос. — Дверь там вынести с разбегу или ещё что-то.

— Ты что, в клетку решила отправиться за порчу чужого имущества, эльф? — хмыкнул стражник, слегка постукивая щитом по рукояти меча.

Девушка надула губы:

— Обидно же. Я помочь хочу, а вы мне как-то грубо так: «эльф»…

— Да не обижайся, я просто боюсь, как бы худого в доме не было, — стражник успокаивающе поднял ладонь. — Но высаживать дверь с петель — это не выход. Эх… Придётся доложить эрлу.

— Давай посмотрим, вдруг там серьёзное что. А пока ты эрлу доложишь, поздно будет, — произнёс Фелиций, делая шаг вперёд. — Вон, смотри — под дверью щель, а из неё тянет чем-то… Нехорошим.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Взломаю замок. Чисто и без последствий. Если надо, так же закроем, — парень вытащил отмычку и маленькую стамеску. — У меня получится это быстро.

Стражник на секунду задумался, а после кивнул:

— Только вся ответственность на тебе, чужак. Взламывай.

Фелиций подошёл к двери, вставил в дверной замок стамеску, потом отмычку, повернул под нужным углом и провернул стамеску. Внутри щёлкнула собачка замка, и дверь открылась. Потребовалось всего пять секунд.

— Мастер, — признал патрульный. — Полезное уменье. Ну что ж, идём.

Стражник толкнул дверь и, пройдя внутрь, остановился, за ним зашёл Фелиций и тоже застыл на проходе.

— Ну что там? — крикнула Энаэль со своего места, нервно переминаясь с ноги на ногу.

В ответ — молчание.

Устало зарычав и возведя руки к алеющему от утреннего солнца небу, Энаэль поплелась за Фелицием и стражником.

Первое, что заметила девушка, — страшную вонь мертвечины, которая ударила в нос ещё на пороге. Воздух в хижине был спёртым, затхлым, с примесью сладковатого гнилостного запаха.

Внутри это оказалась обычная хижина с маленьким камином, развешанной снедью вокруг него — пучками сушёных трав, связками лука и грибов. У стены стоял деревянный стол с парой стульев, рядом — деревянная тумбочка со свечкой, которую уже, видимо, давно не зажигали. В углу виднелась одна узкая кровать. На этой самой кровати Энаэль увидела такое, что её чуть не вывернуло наизнанку. В этот момент она чуть ли не в первый раз порадовалась, что не ела.

На меху, заменяющем хозяину одеяло, лежал, видимо, сам хозяин. Вернее, то, что от него осталось — полуразложившееся тело, по которому ползали белые черви. Причём тело лежало в такой позе, словно перед смертью хозяин спал. Возможно, умер во сне.

Фелиций резко развернулся и выбежал из дома на свежий воздух. Энаэль догадалась почему — именно такими видел Фелиций своих родителей в последний раз. Полусгнившими и разложившимися. Она его не могла винить.

— Геньол… — стражник подошёл к кровати почти вплотную, тяжело вздохнул. — Как же так…

Энаэль осмотрела мёртвого поближе, задержав дыхание и жмурясь от рези в глазах — вонь мертвечины буквально разъедала слизистую. Она заставила себя сосредоточиться: внимательно изучила позу тела, положение конечностей, следы на коже.

— Смотри, — она указала стражнику на левую руку. — Здесь нет кисти. Её отрезали. Видишь, какой ровный срез? Здесь поработал очень острый меч. Словно кто-то специально готовил тело для… — она запнулась, не желая произносить страшное слово вслух.

— Угу, — стражник мрачно кивнул, покрепче сжимая рукоять меча. — Обычно левые кисти отрезают, когда хотят, чтобы покойник служил после смерти. Чуток некромагии и…

Не успел он договорить эти слова, как произошло нечто ужасающее. Глазницы мертвеца внезапно вспыхнули холодным синим огнём, словно в них зажглись крошечные звёзды. Из груди раздалось хриплое, нечеловеческое дыхание, а затем тело резко приподнялось на кровати, опираясь на уцелевшую руку.

— Создатель… — выдохнула Энаэль, отступая на шаг. Её пальцы дрожали, но она заставила себя не поддаваться панике.

Стражник расчехлил меч с резким металлическим звоном.

— Да ладно? — произнес он нервно. — Чтоб меня Чешес побрал, я в такое только в сказках слышал!

— *Sír aran, sír dúath*! — прохрипел мертвец, медленно поднимаясь с кровати. Его движения были резкими, дёрганными, словно марионетки, которой неумело управляют.

Он сделал шаг вперёд, затем ещё один, неотвратимо приближаясь к Энаэль и патрульному. Его уцелевшая рука сжималась и разжималась, будто уже представляла, как вцепляется в горло жертвы.

#######

— Вы как, в порядке? — Спросил Фелиций, брезгливо вытирая клинок о пучок соломы.

Он только что отрубил голову мертвецу — хладнокровно, без колебаний. Лезвие в один момент сверкнуло, и голова покатилась по земле, оставляя за собой тёмный след.

Эльфийка застыла на месте, словно превратившись в изваяние. Её глаза расширились от ужаса, а дыхание сбилось. Она никогда прежде не видела ничего подобного — только слышала смутные легенды о магах-некромантах, способных поднимать мертвецов из гробниц, вливая в них магическую силу. Но чтобы мертвец не просто ходил, а целенаправленно пытался убить… Это выходило за рамки её представлений об этой магии.

Что до эндорского стражника, девушка не могла сказать наверняка, что могло его остановить.

Может, рука не поднялась лишить жизни ожившего мертвого конюха, с которым он, возможно, когда-то делил кружку эля? А может, причина была в чём-то другом. Энаэль это не волновало. Но, Создатель!

Оживший мертвец рядом с городом — это очень тревожный знак.

— В порядке, — выдохнула девушка, присела на корточки, потом резко встала, смахивая со лба мокрую чёлку. Её пальцы слегка дрожали.

Стражник поднял с земли щит, стряхнул с него пыль и тяжело вздохнул.

— Проклятые некромаги! — пробормотал он, глядя на обезглавленное тело. — И бедняга Гэньол… Да упокоится его душа в объятьях Создателя.

Мужчина повернулся к двум путникам, достал из-за пояса маленький кошель и протянул его Фелицию.

— Вот. За помощь в этом деле. Дальше мы разберёмся сами. Это всё, что я могу дать вам со своим скромным жалованием.

Фелиций покачал головой и мягко отвёл руку стражника.

— Убери деньги, у нас хватает, — сказал он твёрдо. — Тебе нужнее, поверь.

— Ладно, — стражник убрал кошель на место. — Не буду настаивать. Тем более что так оно и есть. Жалование мое не шибко и большое. Эх… Надо бы всё-таки доложить эрлу об этом инциденте. Спасибо вам, чужаки. — Он приложил правую руку к сердцу в знак благодарности. — Лошадей ставьте в стойла, пусть отдыхают. Платить не надо. Да в город проходите, я сейчас ворота отопру. Только с оружием своим, — он покосился на них с неким подозрением, — аккуратнее тут. У нас мирный город.

Фелиций кивнул Энаэль в сторону стойл и повёл своего коня. Эльфийка молча взяла под уздцы свою лошадь, стараясь унять внутреннюю дрожь.

— Ужас какой, да? — медленно проговорил парень, привязывая животное к столбу.

— Угу, — Энаэль передернуло. — Я такого ещё не видела. И кому это понадобилось? Вряд ли это человек с нормальной психикой.

— А может, это и не человек вовсе, — многозначительно произнёс Фелиций, бросив взгляд в сторону обезглавленного тела. Его голос звучал тихо, но в нём слышалась тревога.

Эндорский стражник открыл ворота города, пропустив путников, и отправился дальше — видимо, к эрлу. Энаэль огляделась вокруг.

Город поражал своей красотой — не чета старому, захолустному Сонелиту, который, впрочем, тоже по-своему был прекрасен. Широкие, мощеные улицы, по обеим сторонам которых стояли деревянные дома с большими окнами и резными ставнями. Крышу каждого дома украшала деревянная фигурка — у каждого своя: кто-то из хозяев вырезал дракона, кто-то — оленя, а кто-то — причудливого зверя, которого встретишь, разве что, в сказках. Вдалеке стучал молот кузнеца, в воздухе витал аромат свежего хлеба и чего-то ещё съестного — от этого запаха у Энаэль потекли слюнки.

— Где тут ближайшая таверна? — обратилась эльфийка к мальчику, который пробегал мимо с корзиной яблок.

— Налево поверните, и вывеску увидите — это она и есть, — мальчик почесал чумазый нос, улыбнулся и побежал дальше.

Пройдя тот путь. Что указал им мальчишка, они наткнулись на двухэтажную таверну, в чем — то отдаленно напоминающую ту, где выросла девушка. Надпись на вывеске гласила: «Чертополох и Солнце».

— Хорошее название, — хмыкнула Энаэль, вспоминая герб на щите эндорского стражника. — Символичное.

Внутри таверна оказалась даже больше, чем снаружи: просторный обеденный зал, в котором могло поместиться человек двадцать, полки на стенах с глиняными кувшинами, флаги и щиты с гербами города. Играла флейта, в камине потрескивали дрова, создавая уютное тепло. Между столами, за которыми сидело с дюжину человек, сновала молодая блондинка, разнося выпивку и еду. За прилавком, который служил и барной стойкой, ворчал и пересчитывал монеты хозяин таверны — плотный мужчина с седыми усами и проницательным взглядом.

Фелиций прошёл к прилавку, кивнув Энаэль садиться за стол. Девушка присела за ближайший свободный и со скучающим видом начала рассматривать посетителей.

Один мужчина в чёрном капюшоне одиноко пил что-то из пивной кружки, уткнувшись взглядом в столешницу. За другим столом ругались двое бородатых громил — так громко, что казалось, ещё чуть-чуть, и дело дойдёт до драки. А вот ещё трое, сгрудившись над чем-то, что очень походило на карту, о чём-то шушукались, бросая настороженные взгляды по сторонам.

Наконец к ней подошёл Фелиций и присел напротив.

— Ну, ты как? Держишься? — Он протянул ладони и взял её за руки. — Холодные какие.

— Согреются, — слабо улыбнулась Энаэль. — Спасибо, что ты рядом.

Воспоминания о ходячем мёртвом конюхе не давали ей покоя. То накатывали, то отходили мысли о погибших дома родных, так и не похороненных. Энаэль теперь опасалась, что с ними может случится нечто подобное. Но тут же она спешила включить трезвый ум, который рассуждал: некромаги — это случай не повседневный. А значит, власти города Сонелит всё-таки упокоят тела родных с миром.

— Рядом ты. Я бы так и так ушёл. Но без тебя… — Фелиций зачем-то кивнул. — А потом появилась ты, и всё изменилось.

— Да, — Энаэль улыбнулась чуть шире. — Всё изменилось. Мне, например, уже ничего не страшно.

Она заметила, что им несут заказ, и невольно убрала руки со стола. То же сделал и парень.

— Вот, с вас двадцать пять соверенов, — блондинка выставила на стол с подноса две миски с тушёными овощами, мясом и ломтём хлеба, большой графин вина и две пивные кружки.

Фелиций отсчитал двадцать пять серебряных монет и высыпал их блондинке на поднос.

— Приятного аппетита и добро пожаловать в таверну «Чертополох и Солнце», — она подмигнула гостям и ушла.

— Сервис, — хмыкнул Фелиций и принялся за еду.

Блюдо оказалось на удивление вкусным — Энаэль с голоду подумала, что ничего вкуснее в жизни не ела. Вино было идеальным: в меру сладким, в меру выдержанным. За такой обед и денег не жалко. Конечно, это не сравнится с домашней готовкой. Отец мог приготовить всё что угодно: в меру изжарив любое мясо, он подавал его с любым соусом, гарниром и напитком. Но теперь его больше нет рядом с ней.

— Есть планы, куда идём дальше? — Энаэль откинулась на спинку стула, осоловело хлопая глазами. Вино немного ударило ей в голову.

— Да. За Эндором, в нескольких днях пути, есть горы. Можем обойти их и потом пойти по краю пустыни в Харасту, — Фелиций доел последний кусочек. — Но не сейчас, — поспешно

добавил он, заметив, как Энаэль напряглась. — Да, отдохнуть надо. Спрошу, что там насчёт комнаты.

— Я с тобой, — Энаэль поднялась с места, и они вдвоём, протискиваясь между посетителями и столами, приблизились к прилавку.

— Кхм… — Фелиций кашлянул, чтобы привлечь внимание хозяина. Когда тот вопросительно воззрился на него, парень спросил, — Нам бы комнаты. Мы с дороги. Не отдыхали. Есть парочка?

— Зачем вам две комнаты? — задумчиво произнёс хозяин таверны. — Вы разве не женаты? — Он указал ложкой сначала на Энаэль, затем на парня. — Извините за возможную наглость, но я видел, как вы держались за руки, когда только пришли, поэтому и подумал. И мой вам дельный, бесплатный совет — так даже дешевле обойдётся, чем две комнаты снимать.

— Нам бы… — начал было Фелиций.

— Душа моя, он прав, — сладко проговорила Энаэль, миролюбиво положив руку Фелицию на плечо. — Конечно, не в деньгах дело. — Она махнула рукой бармену. — Мы так мало проводим времени вместе, мой муж недавно вернулся с плаванья. И вот, после года разлуки, теперь путешествуем, да, милый?

— Эм… — Фелиций слегка растерялся, но быстро взял себя в руки и подыграл Энаэль. — Ты права, любовь моя. Я просто что-то уже порядком отвык от всего. Море, оно, понимаешь, заставляет немного менять мнение о свободе. Да. — Он повернулся к бармену. — Давайте одну на двоих, я заплачу прямо сейчас.

— Чудно. Вот, держите ключ от комнаты. Второй этаж, последняя дверь по коридору налево. С вас один золотой. — Хозяин таверны положил ключ на прилавок, а Фелиций в свою очередь выложил одну монетку. — Если что понадобится, зовите меня.

— Спасибо, — Энаэль кивнула и взяла Фелиция под руку. — Пойдём, душа моя, отдохнём немного.

Как только они поднялись на второй этаж, Фелиций не выдержал — прыснул и, тихо посмеиваясь, проговорил, обращаясь к Энаэль:

— Что это был за цирк?

— После этой его фразы: «А разве вы не женаты?» — меня понесло, — Энаэль хихикнула. — Я представила, что это на самом деле так и есть, и вжилась в роль. А тебе что-то не нравится?

Фелиций на мгновение замер, глядя в её блестящие от веселья глаза. В тусклом свете факела, висевшего на стене, её эльфийские черты казались ещё более изящными, а улыбка — обезоруживающе искренней.

— Знаешь, — он понизил голос, — я сначала не понял, к чему ты клонишь тогда, но когда начал тебе подыгрывать, то… — он запнулся, слегка покраснел и всё-таки договорил: — То захотелось, чтобы так оно и было. Чтобы… ну, ты и я. Вместе. По-настоящему.

Энаэль на секунду замерла. В её глазах промелькнуло что-то глубокое, почти уязвимое — будто он коснулся струны, которую она давно старалась не задевать. Но уже в следующий миг она улыбнулась шире, чуть склонила голову набок и медленно закивала.

— Я поняла, — прошептала она. — И… я тоже этого хочу.

Она резко притянула его к себе, поймав губы в поцелуе. Он получился страстным, почти отчаянным — словно они оба слишком долго ждали этого момента. Руки Фелиция нежно скользнули по её щекам, пока Энаэль, не разрывая поцелуя, толкала его в направлении их съёмной комнаты.

Продолжая в том же духе, Фелиций попытался толкнуть дверь, но та не поддалась.

— Ключ, — прошептала эльфийка, на мгновение отстраняясь от его губ.

— Точно-точно, — взволнованно произнёс парень, вынимая из кармана ключик и вставляя его в замочную скважину. Он повернул его, но дверь всё равно не открылась.

— На себя, — снова шепнула Энаэль, слегка улыбаясь.

— Точно-точно, — повторил Фелиций, отступая на шаг назад вместе с Энаэль. Он потянул дверь на себя, и та наконец распахнулась.

Комната оказалась небольшой, но уютной. Сквозь узкие оконные шторки пробивались лучи солнца, окрашивая всё в тёплые оттенки. В центре стояла двуспальная кровать с мягким покрывалом, рядом — пара тумбочек с подсвечниками. У стены примостился круглый стол с двумя стульями, а напротив — массивный комод с резными узорами. На полу лежал пушистый ковёр, приглушавший шаги.

Но молодым людям до осмотра комнаты дела не было.

В следующие несколько мгновений на пол упали фрагменты доспехов Фелиция, а за ними — доспехи Энаэль. Их обладатели, не переставая целоваться, завалились на кровать. Фелиций на мгновение оторвался от губ Энаэль, чтобы закрыть дверь ногой.

#######

Энаэль проснулась только на следующее утро. Вернее, её разбудил прохладный ветерок, который развевал белые занавески на окне и шевелил зелёные листочки фиалки, что стояла в белом каменном горшке посреди круглого столика.

Эльфийка чуть поёжилась и приподнялась с постели, оглядев комнату. Солнечный свет пробивался сквозь занавески, рисуя на полу золотистые полосы.

На полу, куда ни взгляни, была разбросана одежда: у окна — нагрудник Фелиция и сапог Энаэль, прямо перед кроватью валялся другой сапог и её медальон, историю появления которого она не могла раскрыть до сих пор. Барлин говорил ей, что, когда он приютил девушку, кулон уже был с ней, а прочитать надписи на эльфийском он так и не смог. Под столом перчатки — чьи, девушка сейчас, спросонья, разобрать не могла.

— Мы вчера совсем потеряли голову. — Тихо пробормотала Энаэль, проводя рукой по волосам.

Она подняла край простыни и, поняв, что она обнажена, шумно и с улыбкой выдохнула, покачав головой. Сию секунду ей стало даже немного стыдно.

Девушка глянула на спящего по соседству парня. Сейчас он ей казался горой мышц — за доспехом нельзя было понять, какое у него телосложение, но сейчас эльфийка залюбовалась рельефом и массой его рук, спины. Чёрные непослушные волосы лежали на подушке, словно ком шерсти, но так сочетались с внешностью своего хозяина, что Энаэль могла смело сказать: в них была своя красота.

В какой-то момент ей захотелось провести рукой по его спине, волосам, чтобы невзначай разбудить его — и это дало бы возможность ещё раз его поцеловать.

«Нет», — подумала она, мягко улыбнувшись. — «Пусть спит. Пусть отдохнёт. У нас ещё столько дел, которые нужно сделать, а для этого нужны силы.»

Она медленно и осторожно убрала простыню и, поднявшись с кровати, встала босыми ногами на холодный деревянный пол. Судорожно вздохнула и поёжилась. Немного болел живот и тошнило. Но это, скорее всего, от вчерашней выпивки. По крайней мере, она на это надеялась.

— Ох, ну и денек был… — вздохнула она, потирая виски.

Унимая тошноту, девушка распахнула комод в надежде, что там будет хоть одно простенькое платье. Не хотелось ей одеваться сейчас в доспех. Хотелось хоть немного побыть женщиной и походить в чём-нибудь лёгком и простеньком.

Её надежды оправдались: в сундуке оказалось весьма недурное жёлтое платье с поясом и кошелем аптекаря. Кое-как нацепив нижнее бельё — потому что долго пришлось возиться с узелками на верёвках, как, впрочем, и всегда, — эльфийка надела платье и подвязалась поясом.

Затем она аккуратно вышла из комнаты, заметив, что дверь совсем не прикрыта, и удивилась, как это они вчера были в комнате не запертыми. Вроде бы Фелиций закрывал комнату. После чего тихо прикрыла дверь и босыми ногами зашлёпала по деревянному полу в направлении главного зала. Перед спуском вниз она задержалась у зеркала, чтобы наскоро поправить волосы и заплести их в косу на правую сторону.

В обеденном зале ничего не изменилось. Разве что не было троих авантюристов с картой. Мужчина в капюшоне всё ещё сидел за столом и потягивал что-то из кружки. Возле него стояла пустая миска и ложка. Странный он тип, как показалось Энаэль с самого начала. Как будто следит за кем-то. А может, ждёт. А впрочем, ей всё равно.

Она тут же забыла о мужчине в капюшоне, когда услышала звон бьющейся посуды и громкую ругань. Оглянувшись на звук, она поняла, что это один из вчерашних бородатых мужиков-пьяниц, что-то крича, ударил другого глиняным кувшином, разбив его на мелкие осколки. Но второго это совсем не оглушило — он так же сидел и что-то бубнил себе под нос. Видимо, угрозы. Но ответить ничем не мог, так как был вусмерть пьян.

Не обращая внимания на всё происходящее, она направилась к прилавку и, присев на краешек стула, подозвала хозяина.

— О, доброе утро, госпожа, чем могу служить? — хозяин натянуто улыбнулся, как-то слишком торопливо протирая стакан тряпкой.

— Сначала вопрос, если позволите, — Энаэль придвинулась. — Мы с моим… мужем… сильно шумели вчера? Только ответьте честно.

Бармен загадочно улыбнулся. Потом закивал головой.

— Да, пошумели вы изрядно. Сразу видно, долго не виделись. Не считая того, что отпугнули вчера вечером своими буйными криками молодую парочку, которая тоже хотела снять комнату, — всё нормально, я не в обиде, — он усмехнулся и поставил стакан на полку.

— Прошу нас извинить, — потупила взор эльфийка. — Мы правда давно не виделись. А тут, понимаете, выдался случай… Если хотите, я заплачу вам за тех посетителей, что мы с моим мужем распугали, — поспешно добавила она, но трактирщик махнул рукой, мол, пустое. Но после этих извинений он улыбался уже по-настоящему.

— Может, изволите чего? У нас сегодня каша с молоком и компот из можжевеловых ягод, — трактирщик приложил руки к прилавку.

— Да, пожалуй. Только вместо компота — стакан вина. Голову успокоить, — кивнула Энаэль.

— А-а! Похмелье, значит? — хозяин таверны хрипло хихикнул. — Ну, это мелочи. Всё пройдёт. Сейчас только скажу Лине, чтобы принесла вам поесть, присаживайтесь за стол.

И он удалился на кухню.

Энаэль присела за стол подальше и от пьяных бородачей, и от сомнительной персоны в капюшоне и приложила руку к подбородку в ожидании заказанного. Не прошло и нескольких минут, как официантка-блондинка принесла ей на подносе миску каши, ложку и стакан вина.

— Приятного аппетита, десять соверенов можете отдать потом, — и она удалилась.

Энаэль запоздало кивнула и принялась за еду. Тёплая каша немного успокоила желудок, а глоток вина смягчил утреннюю тяжесть в голове и тошноту.

Не успела она съесть и половины, как в помещение ввалился мужчина в лёгкой кирасе с жёлтой туникой, держа в левой руке щит. На поясе висел меч. Он был стрижен почти налысо. Щёки и подбородок мужчины были щетинистыми, а тёмные глаза вглядывались в каждого посетителя, словно кого-то выискивая.

— Кого-то ищешь, Стив? — произнёс трактирщик, выходя из кухни.

Мужчина, которого звали Стив, кивнул, подошёл к хозяину таверны и что-то тихо спросил. Трактирщик в ответ только указал на Энаэль и снова занялся любимым делом всех барменов — протиранием стаканов.

Стив зашагал по направлению к Энаэль, а та в свою очередь сделала вид, что не видела ни того, как он вошёл, ни того, как переговаривался с трактирщиком.

Мужчина подошёл к её столу и присел напротив.

— Я тебя всё утро ищу, — голос был знакомым, и Энаэль вспомнила, кто это: тот самый эндорский стражник, который впустил их с Фелицием в город. Но она решила не подавать виду, что узнала его, — на случай, если вдруг ошибалась.

— Извините, мы знакомы? — Энаэль неспешно глотнула вина и поглядела немигающим взглядом на мужчину.

— Ну не совсем. Меня Стив зовут, я тот стражник, что был с тобой и твоим мужем в конюшне, помнишь?

— А-а! Всё, вспомнила, — девушка кивнула. — Я Энаэль, раз уж знакомимся. Ну и что же ты нас искал, Стив?

— Помощь ваша требуется. Сейчас в городе очень мало людей, умеющих обращаться с оружием, и…

— К делу, пожалуйста, — перебила его Энаэль.

Стив поёрзал на стуле и начал:

— После того, как мы вчера расстались, я сразу отправился к нашему эрлу, доложить об этом случае. Тот сначала не поверил и послал своего управителя, чтобы удостовериться. После того как его доверенный человек увидел мёртвого Гэньола и подтвердил мой доклад, эрл забеспокоился. Он расспросил меня, кто был со мной в тот момент, когда пришлось убить восставшего конюха, я всё честно рассказал и про тебя, и про попутчика твоего, — Стив прочистил горло. Потом показал на стакан. — Позволишь?

— Пожалуйста, — кивнула она. — Продолжай, что там с эрлом.

Стражник хлебнул немного вина, откашлялся и продолжил:

— Ну, он хотел тебя с ним видеть сразу, да только я не знал, где вас искать. Город — то большой, мало ли где вы могли быть. Ну, в общем, я вас вчера не нашел. А сегодня утром меня вызывают к эрлу и требуют, чтобы я в срочном порядке нашел и привел вас обоих. Вроде там какой-то случай очень страшный произошел. Связанный с той историей про конюха. — Стив снова прочистил горло. — Знать не знаю пока, что там случилось, но чую, нехорошее что-то. И вот бегаю я по городу, как загнанная овца, как вдруг вижу, пацан меня окрикивает, мол, чего ищешь, дяденька. Я ему, да вот, эльфийку и мужчину с ней вместе. Вот он мне на эту таверну и указал, мол, сам вам порекомендовал сюда идти еще вчера. И вот я здесь.

— Н-да… Подробненько… — Протянула девушка. — Коротко, но ясно, мне с моим мужем требуется придти к эрлу — для чего?

— Ну, скорее всего, сначала он расспросит насчет вчерашнего. А дальше я не знаю. И не спрашивай, не знаю я, что там у него во дворце произошло.

— Ясно. — Только и проговорила Энаэль.

— Ну, так что, поможете мне еще раз? А то мне эрл голову снесет. — Стив умоляюще поглядел на эльфийку.

— Поможем, чего уж там. — Она поднялась из-за стола, Стив тоже вскочил.

— Сиди пока. Минут десять погоди, я своего разбужу, оденемся, как подобает, и пойдем с тобой к эрлу твоему. Успокойся. — Энаэль отвернулась, бесшумно, но раздраженно выдохнула и пошла наверх в комнату.

#######

— Не понимаю, а мы-то тут при чём? — ворчал Фелиций, со злостью надевая сапог. — У них проблемы, а не у нас.

Энаэль коротко пересказала ему разговор со стражником, смотря в открытое окно и опираясь руками о подоконник. Она уже была полностью одета в доспех, на плече привычно висел лук и колчан со стрелами, а за спиной — колчан со стрелами и Д`ар-Мису. Лёгкий ветерок шевелил её волосы.

Она не хотела будить Фелиция. Хотела, чтобы он отдохнул от всех проблем. Но пришлось. Нельзя же подвергать жизнь риску ни в чём не повинного человека из-за своего нежелания что-то делать. Тем более, эрл — лицо власти. Самый главный в эрлинге.

— Я не знаю, что там случилось у них в крепости, но нас зовут на помощь в буквальном смысле, — девушка обернулась к парню, который цеплял за спину ножны для кинжалов. — И этот Стив ничего не сказал. Он сам ничего не знает. Придётся сходить и всё увидеть воочию.

Фелиций фыркнул, застёгивая пряжку на сапоге:

— Без завтрака? — хмыкнул он, подняв на Энаэль лукавый взгляд.

— Без завтрака, — усмехнулась эльфийка, подходя ближе и слегка коснувшись его плеча.

— Вот, как всегда, сытый голодному не товарищ. — парень поднялся с кровати, закладывая кинжалы в ножны. — Сама-то поела.

— Придем от эрла — закажу тебе гору мяса, будешь отъедаться. Идет? — эльфийка улыбнулась и подошла к парню ближе.

— Ты учти, я запомнил про мясо. — Хохотнул Фелиций и чмокнул девушку в щеку.

#######

Крепость эрла возвышалась над прочими строениями во много раз — не только из-за того, что располагалась на высокой скале, но и сама по себе была поистине грандиозным сооружением. Её мощные стены и башни виднелись издалека, хотя от таверны «Чертополох и Солнце» её, конечно же, не было видно. Но как только влюблённая парочка и сопровождавший их стражник пересекли всю улицу до конца и оказались на круглом, оживлённом рынке, замок вдруг показался за крышами деревянных домов — величественный, неприступный, будто выросший из самой скалы.

Четыре башни с высокими шпилями, зубчатая стена, массивные контрфорсы и огромный каменный зал посредине. Величина постройки просто поражала воображение. Казалось, она была создана не для людей, а для каких-то древних исполинов.

Чтобы дойти до дворца, требовалось сначала подняться по длинной лестнице, взбираясь на скалу, а затем дождаться, когда дозорные опустят трап, служащий мостом через огромный ров, а после поднимут вверх огромные клетчатые ворота.

— Вот ведь паранойя у эрла на безопасность, — произнёс Фелиций, пока они смотрели, как медленно опускается трап и поднимаются ворота. Его голос звучал слегка насмешливо, но в глазах читалось уважение к инженерной мысли.

— Ничего подобного, — отозвался Стив, поправляя ремень с мечом. — Безопасность лишней не бывает. К тому же эту крепость никогда не могли взять ни штурмом, ни обманом. Из-за этого её и прозвали Лютой Крепостью.

Они вошли во внутренний двор, который оказался на поверку невероятно просторным. Высокие, словно столбы, деревья были рассажены вдоль периметра двора ровными рядами, отбрасывая длинные тени на каменные плиты. В центре возвышалась огромная позолоченная статуя женщины с копьём. У ног её сидел огромный пёс, который смотрел куда-то вдаль, будто охраняя покой своей госпожи. Точно такая же статуя находилась на перепутье, недалеко от города, но там не было таблички. А здесь была: «Пророчица Вергилия — невеста Создателя».

— Как тут красиво… — выдохнула Энаэль, обхватывая взглядом огромную статую богини. Её глаза расширились от восхищения.

— Вергилия, — пояснил Стив, с благоговением глядя на статую. — Была невестой Создателя. Злые маги, не желающие принять её слова, сожгли её на костре. Но она была защитницей для больных и нищих, всегда приходила им на помощь. Именно она хранит в сердцах людей доброту, искренность, непоколебимость и любовь. Именно она напророчила людям страшные беды, последствия которых до сих пор имеют отголоски в каждом уголке мира.

Энаэль немного знала о религии Фаворна. Она точно знала, что есть Создатель. И есть его невеста Вергилия — великая мученица и пророчица, которая практически прекратила существование пантеона богов. Благодаря ей возникла одна общая религия среди людского рода — вергилианство.

Конечно, у каждой расы была своя вера. Однако отец не знакомил её с устоями других народов, делая упор на общепринятые устои людей.

Поглядев ещё немного на статую мученицы, стражник Стив, а за ним и Энаэль с Фелицием прошли через весь двор к огромной дубовой двери. Стив коротко постучал — три удара, затем пауза, ещё два.

— Кто идёт? — послышался бравый голос, и в двери открылась узкая задвижка. В щели мелькнул настороженный глаз дозорного.

— Это я, Редди. Веду с собой путников, которых желает видеть эрл.

Задвижка, скрипнув, закрылась. А затем дверь начала медленно распахиваться, открывая за собой широкий красно-жёлтый ковёр и огромный коридор. Сразу дохнуло сладко-горьким запахом ладана и воска, смешанным с едва уловимым ароматом старого дерева и металла.

— Пошли, — буркнул Стив и вошёл внутрь первым, его сапоги глухо застучали по каменным плитам.

Путники последовали за увлекающим их Стивом.

Скоро коридор с каменными стенами закончился. Гости и стражник прошли ещё один дверной проём и оказались в большой зале.

Посреди него, на каменном полу, стелилась красная ковровая дорожка, ушитая бархатными кисточками по бокам. Вдоль неё расположились высокие мраморные колонны, подпирающие свод потолка. Окон не было совсем. Единственным источником света служили факелы, которые были размещены на стенах и у двери, мерно треща и освещая пространство вокруг себя в радиусе двух-трёх метров; большая люстра со свечами, подвешенная высоко к потолку, и камин, который жарко горел за спиной у трона местного эрла.

На нём же и восседал величавый муж в задумчивости и неподвижности. Символ своей власти — меч — эрл держал за эфес, установив оружие вертикально. Тёмные глаза-жуки медленно поднялись на гостей. Губы, скрытые густой чёрной бородой, дрогнули. Эрл поднялся со своего места.

Стив припал на одно колено и склонил голову.

— Мой эрл, я привёл чужеземцев, как Вы мне и приказывали. Именно они помогли мне в непростом деле вчера утром.

Энаэль и Фелиций медленно качнули головами, подтверждая слова стражника.

Эрл кивнул, отчего его серебряный обруч блеснул изумрудами, отражая на секунду свет факелов. Он размеренно произнёс:

— Встань. — И после того, как Стив поднялся, добавил: — Молодец, сынок, порадовал. Иди, отдохни. Сегодня у тебя выходной.

Дождавшись, когда Стив покинет зал, эрл взглянул на своих гостей.

— Я ценю вашу помощь, гости. Прошу меня извинить, но не ведаю я, как вас звать-величать.

— Энаэль, мой эрл, — эльфийка склонилась в легком поклоне.

— Фелиций, — неуклюже поклонился парень, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Эрл кивнул.

— Что же, знамо дело, приятное знакомство в столь тёмные времена. Я — эрл Даремт. И боюсь, на этом наши светские беседы нужно отложить до лучших времён, — он присел на трон и продолжил, глядя на гостей. — Я знаю, как вы ловко расправились с тем мёртвым конюхом, который восстал и поднял руку на моего подчинённого. И я это ценю. Вергилия мне свидетель, я найду способ, как вас отблагодарить. Но, увы, беда дошла и до моего дворца. Жена моя, Криста. Она сейчас заперта в своей опочивальне. И она ведёт себя очень странно. Очень похоже на то, как с тем конюхом, — глаза эрла явственно заблестели от слёз. — Но она жива, я уверен!

— Если позволите, мой эрл, — вставила Энаэль, делая шаг вперёд. — Рука того конюха была отрублена. Таким образом, некромант управляет телом, заставляя делать ужасные вещи. Вы видели свою жену? Как она себя вела? На месте ли ее рука?

Эрл поднялся со своего трона. В его глазах отразилось понимание, а губы чуть дрогнули.

— Пойдёмте, сами всё увидите, — Даремт зашагал в сторону ступеней, его плащ развевался за спиной.

Фелиций взглянул на девушку, та лишь пожала плечами и двинулась за эрлом.

Они втроём поднялись по ступеням, прошли длинный и хорошо освещённый коридор, украшенный гобеленами с изображением батальных сцен. Затем остановились у небольшой резной двери.

— Спальня моей жены, — тихо сказал эрл. — Криста опасна и не в своём сознании. Но она не мертва, в этом я уверен.

Фелиций с сомнением посмотрел на Энаэль, медленно проговорив:

— Не уверен. Возможно, это уже не ваша жена, милорд. Может статься, что лучше будет её убить и не придавать её мукам.

— Я вполне понимаю твои опасения, но позвольте мне показать вам её состояние, — эрл Даремт осторожно распахнул дверь опочивальни.

Энаэль и Фелиций осторожно заглянули в комнату, где всё оказалось перевёрнуто вверх дном, будто в неё ворвались разъярённые огры и разрушили всё, что можно было разрушить. Тумбы опрокинуты, стулья переломаны, зеркала разбиты, гобелены изорваны, дорогая посуда валяется осколками на полу, картины сорваны со стен. А на огромной кровати, устланной красным велюровым покрывалом, чуть сгорбившись, сидела эрлесса Криста — белокожая блондинка, одетая в дорогие, но теперь грязные одежды.

— Криста… — тихонько позвал её эрл, тоже заглядывая в комнату.

Женщина вздрогнула и начала оборачиваться. Фелиций потянулся за клинком, но заметивший этот жест Даремт придержал его руку.

Энаэль нервно сглотнула, чувствуя, как холодный пот стекает по спине и впитывается в ткань рубашки. Воздух в комнате казался густым и вязким, будто пропитанным древней магией — он давил на грудь, затрудняя дыхание. Она ожидала увидеть эрлессу неживой или обезображенной — изуродованной проклятием или следами насилия. Но то, что она окажется… обычным человеком? Только её глаза источали пронзительно-синий свет. Ровно, как и тогда, у мертвого конюха Геньола.

— Никаких следов насилия, — прошептала девушка, оглядывая Кристу и ожидая подвоха. Взгляд скользил по фигуре эрлессы, отмечая каждую деталь: бледность кожи, неровное дыхание, неестественно прямую осанку. — Но что-то здесь не так…

— Да. Ее глаза… — протянул Фелиций, прищурившись. Его голос звучал настороженно, но в нём сквозило любопытство. Он сделал осторожный шаг вперёд, не отрывая взгляда от синих огней. — Будто кто-то зажёг их изнутри.

Женщина смотрела на них и сидела неподвижно, словно вырезанная из камня. Её поза была неестественно ровной, а взгляд — пустым, несмотря на пульсирующий свет в глазах. Гости тоже старались не шевелиться у входной двери, боясь спровоцировать неведомую угрозу.

Только эрл Даремт нервно выдохнул, и этот звук эхом отозвался в напряжённой тишине, нарушая гнетущее безмолвие.

Услышав это, Криста медленно поднялась с постели и зашагала к гостям. Её движения были резкими, дёрганными, будто кто-то управлял ею на невидимых ниточках. Каждый шаг был шаркающим. Ноги волочились по полу, пиная осколки и мусор.

— Вот, об этом я вам и… — начал было эрл, но его оборвали на полуслове.

— *Sír aran, sír dúath!* — прохрипела Криста и сверкнула глазами так, что по спине Энаэль пробежал ледяной озноб. Синий свет в её глазах вспыхнул ярче.

— Нужно её… — Фелиций выхватил клинок, его лицо исказилось решимостью.

— Нет! Идём! — крикнул эрл и вытолкнул обоих за дверь, а затем запер её на ключ. Его голос дрожал.

Энаэль никак не могла успокоить дыхание. Ощущения были такие же, как с конюхом, у которого не хватало руки, и так же светились глаза. Эльфийку колотило, ноги налились свинцом, пальцы на руках дрожали, как и коленки. Она прижалась к стене, пытаясь унять дрожь, и закрыла глаза на мгновение, чтобы собраться с мыслями. Перед внутренним взором пронеслись образы: конюх с пустыми глазами, тянущий руку к ней; хрипящий что — то на непонятном языке.

— Видите? Я говорил вам. И что это, по-вашему? — Эрл повернулся к парочке, его взгляд метался между Энаэль и Фелицием. В глазах читалась смесь страха и отчаяния.

Фелиций с обиженным видом убрал оружие. Его брови сошлись на переносице, а губы сжались в тонкую линию.

В ту же секунду о дверь глухо бухнулось что-то, а потом, так же глухо, упало на пол. Звук был таким, будто ударилось что-то тяжёлое, как, например, какой-то шкаф или сундук. Эрл Даремт закрыл глаза и поморщился, а Энаэль просто пыталась отойти от шока и забыть поскорее затхлый воздух комнаты эрлессы. Даже через закрытую дверь несло сыростью, древесной гнилью и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным, напоминающим разложение.

— Это некромагия, сомнений нет, — произнёс Фелиций, его голос стал тише, но твёрже. Он провёл рукой по волосам, отбрасывая прядь со лба. — Эн, ты в порядке? Ты вся дрожишь.

Эльфийка закивала, пытаясь собраться с мыслями. А потом сжала руки в кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль помогла сосредоточиться. Нужно найти мага и наказать. Ведь с такими силами, как у него, всё живое опасно или может стать опасным. Она не могла сейчас стоять в стороне. Да, конечно, может, она и не разбирается в этом. Может, что-то не понимает. Но она постаралась поставить на место этого несчастного эрла себя. Как бы она себя чувствовала, если бы кто-то из её родных был в состоянии между жизнью и смертью? Перед глазами всплыло лица Барлина и Беллы.

— Мерзостная магия! — в ярости закричал эрл. Он ударил кулаком по стене, и звук эхом разнёсся по коридору. — Кто мог такое сделать?

— Мы найдём его, кем бы он ни был, — пообещала Энаэль, поднимая взгляд на Даремта. — Найдём и покончим с этим. Никто больше не станет жертвой его проклятия.

Эрл Даремт поднял глаза на эльфийку, в его взгляде мелькнула искра надежды.

— А что будет с Кристой? — его голос дрогнул, и в нём прозвучала такая боль, что Энаэль почувствовала, как что-то сжалось в груди.

Фелиций хотел было сказать, что результат может быть не самым лучшим, и уже открыл рот, но по ту сторону двери раздался звук бьющегося стекла — резкий, пронзительный, заставивший всех вздрогнуть. Эрл резко повернул ключ и распахнул дверь. После чего ворвался в комнату, а за ним и Энаэль с Фелицием.

— Криста! Криста! — Эрл Даремт обежал кровать и встал у разбитого окна, его лицо исказила тревога. Он схватился за раму, будто хотел выпрыгнуть следом.

Энаэль остановилась рядом и выглянула вниз, на площадку перед крепостью эрла. Эрлесса довольно быстро бежала, весьма ловко расталкивая стражников от себя. Её движения стали резкими и целенаправленными, словно кто-то управлял ею издалека. Ветер развевал её золотистые волосы.

— Вот это да… — снова с той же интонацией, как и несколько минут назад, протянул Фелиций. — А здесь еле шаталась. Будто две разные женщины.

— Некромаг отдал ей приказ, — поняла Энаэль, её глаза сузились.

Она почувствовала, как внутри закипает гнев, смешиваясь со страхом.

— За ней, бегом! Мы должны остановить её, пока она не натворила бед.

Эльфийка выпрыгнула в окно, мягко, словно кошка, приземлилась на землю. Благо, было не слишком высоко, да и добротные сапоги смягчили удар о землю. Ветер взметнул её волосы, когда она приземлилась, и она тут же бросилась вперёд, не теряя ни секунды.

— Простите нас, мой эрл. Ещё увидимся, — бросил Фелиций Даремту и выскочил вслед за девушкой.

Вообще, Энаэль бежала быстро, но к своему удивлению, не могла нагнать или хотя бы немного приблизиться к эрлессе, а, наоборот, быстро отставала. Кристу питала сильная магия, никаких сомнений. Но всё это было неважно. Энаэль стремилась помочь любому, кому требовалась помощь. Она считала это своим долгом, да и мимо такого пройти было просто невозможно. Тут всякий, кто способен помочь, помог бы. В голове билась мысль: «Что, если это была бы моя сестра? Мой отец?».

Эрлесса растолкала очередных стражников и выбежала за ворота города, которые открылись прямо перед ней, словно по волшебству. Энаэль заметила, как один из стражников отлетел от эрлессы, словно тряпичная кукла. Он так и не поднялся, схватившись за бок, — видимо, Криста толкнула его с огромной силой, намного превышающую человеческую.

Энаэль уже тяжело дышала. Лёгкие горели огнём, а ноги гудели, но она упрямо продолжала бежать. Нельзя терять из виду эрлессу. Ведь она могла, теоретически, вывести девушку на мага, и тогда уже разговор будет коротким. Пот стекал по вискам, а волосы липли ко лбу.

Фелиций поравнялся с эльфийкой и, задыхаясь, произнёс:

— Быстро же она зашевелилась. Будто подменили.

— Магия это, вот и зашевелилась, — прошипела девушка, огибая стену города, где скоро снова поймала Кристу в поле своего зрения.

— Она вон, в пещеру бежит. — Фелиций указал вперёд, задыхаясь на бегу.

Вдали виднелся тёмный зев пещеры, словно рана в склоне холма. Из неё веяло холодом и чем-то ещё — затхлым, гнилостным, будто там десятилетиями копилась тьма. Ветер доносил странные звуки: то ли стон, то ли шёпот.

— Проверим, — решительно ответила Энаэль и схватила факел на внешней стене города. Она поднесла его ближе к лицу, чувствуя тепло, и на мгновение закрыла глаза, собираясь с силами.

Криста скрылась в пещере, а напарники перешли на шаг и направились ко входу. Воздух здесь становился всё холоднее, а звуки города — крики торговцев, стук копыт, смех детей — постепенно затихали, сменяясь зловещей тишиной. Энаэль невольно покрепче сжала факел в руке.

Фелиций предусмотрительно зашагал впереди девушки, его кинжалы блеснули в свете факела. Он поднял один из них, как обычно поднимают руку, призывая к тишине, и прислушался. Где-то внутри раздавался странный звук. Не то хрип, не то хохот.

— Не нравится мне этот звук. — прошептал он, его голос эхом отразился от стен.

— Мне тоже, — тихо ответила Энаэль, стараясь унять дрожь в голосе.

Эльфийка подняла факел выше, освещая путь. Пламя трепетало, отбрасывая причудливые тени, которые, казалось, шевелились сами по себе.

Пещера провела их вперед по узкому коридору. Потом поворот налево, направо. На стенах грота кое-где можно было заметить светящиеся грибы — единственное освещение здесь, помимо факела в руках Энаэль. Поверхность стен была гладкой, будто отполированными, а пол усыпан мелкими камнями, хрустевшими под ногами. В воздухе витал запах сырости, плесени и разложения. Энаэль почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

Наконец, коридор вывел их к небольшому гроту, имевшему почти идеальную форму круга. Вдалеке шумела вода, росли какие-то причудливые растения, а прямо посреди этого пейзажа спиной к вошедшим стояла эрлесса, безвольно опустив голову вниз,

— Эрлесса Криста? — негромко позвал Фелиций, его голос дрогнул. Эхо повторило имя, растягивая его на десятки тонов.

Женщина, находящаяся в полумраке, чуть шевельнулась и обернулась, полыхая ярко-голубыми глазами. Свет от них немного отражался на полированных от воды стенах. Её поза была неестественно сгорбленной, а руки безвольно висели вдоль тела.

Энаэль поглядела на неё, замерев на месте. Не стоило делать необдуманных поступков. Её пальцы крепче сжали рукоять факела, а сердце забилось чаще. Что-то в этой картине было неправильным. девушка почувствовала, как по спине пробежал озноб, а волосы на затылке встали дыбом. Почему эрлесса остановилась? Ей некуда бежать? Она заблудилась? Или же… Ей больше не нужно было больше убегать?

— Мы… Мы не причиним вам зла, — продолжал Фелиций, стараясь говорить спокойно. Его голос звучал уверенно, но Энаэль слышала нотки страха. — Вы слышите нас?

— Она слышит. Но не может ничего сделать, пока я не повелю ей, — раздался голос из темноты. Он был низким, хриплым, с нотками насмешки, будто говорящий наслаждался их страхом.

Энаэль вгляделась во мрак, осторожно положив факел на гладкий каменный пол. Из тени вышел человек в тёмном балахоне. Его лицо скрывал капюшон, но губы, которые были зримы, скривились в едва уловимой усмешке. От него веяло холодом, словно он был частью этого грота, его воплощённой тьмой.

— Назовись! — потребовал Фелиций, сжав кинжалы сильнее, — Это же ты, верно? Тот, кто порабощает людей после их смерти.

Человек сделал еще несколько шагов и остановился.

— Какая разница, — произнёс он тихо, почти напевно. — Да и не затем вы здесь, чтобы вести светские беседы, не так ли?

Энаэль хотела снять с плеча лук и натянуть стрелу. Хотела, но, поразмыслив, делать этого не стала. Терять драгоценные секунды на любое действие сейчас — равносильно глупости. И, возможно, гибели. Она сглотнула ком в горле и лихорадочно соображала.

— А я надеялся, что старина Даремт придёт сюда сам, — тихо проговорил человек. — А он прислал вас. Как это в его духе… — Он пожевал губами, и его усмешка стала шире. — Упоительно. Посылать на погибель людей вместо себя. Словно пешки в игре, которую он не желает играть сам.

— Что ты имеешь в виду? Кто ты? — Энаэль на секунду показалось, что она уже где-то видела его. Этого незнакомца в балахоне. Точно! Таверна «Чертополох и Солнце». Тогда он сидел в углу, скрытый тенью, но его глаза — серые, холодные — запомнились ей.

Человек обошёл вокруг эрлессу и провёл рукой по её плечам. Криста продолжала смотреть на гостей холодным взглядом синих глаз, её лицо было лишено эмоций, словно маска.

— А он вам не сказал, что мы с ним знакомы? Не предостерег? — Маг щёлкнул пальцами, и звук эхом разнёсся по пещере. — Ах, наверное, он не узнал мой почерк. Я и он, мы были…

м-м-м… Как бы это… Друзьями в прошлом. — Его голос дрогнул на последнем слове, и в нём проскользнула горечь. — Пока он не предал меня.

Энаэль и Фелиций переглянулись. Девушка пожала плечами. Эрл — лицо власти. И вряд ли он будет распространяться подробностями своей личной жизни с посторонними.

Маг скинул капюшон, обнажая изрезанное морщинами лицо, седые короткие волосы и серые глаза. Его взгляд был тяжёлым, полным боли и ярости. Затем он поднял руку, и выпустил из кончиков пальцев магический белый свет, который залил всю пещеру. Свет был ярким, почти слепящим, но потолок так и остался во мраке, будто поглощал его.

— Двадцать пять лет назад эрл Даремт сел на трон, — начал маг, его голос звучал ровно, но в нём чувствовалась горечь. — Стал правителем эрлинга Эндор. Я был придворным магом эрла и другом. Мы вместе решали проблемы, вели политику. Правильную, как по-нашему. Народ в Эндоре жил благополучно, экономика процветала. Эрл Даремт — прекрасный полководец и правитель. — Маг опустил руки и сжал их в кулаки. — Но моё отношение к нему быстро поменялось после некоторых горестных событий. Он не смог уберечь от смерти мою дорогую жену. Её захватили в плен, требовали выкуп. Мою Элу. А Даремт просто-напросто решил не платить, а вызволить её силой. — Маг невесело усмехнулся. — У него не получилось. И тогда я решил, что, если я потерял свою женщину, эрл потеряет свою. И все узнают мою боль. И мой гнев!

— Nín linnar en cirth! — крикнула эрлесса в темноту потолка. Её голос прозвучал хрипло, прямо как у мертвого Геньола, эхом отражаясь от стен.

Фелиций и Энаэль приготовили оружие и поглядели на потолок, откуда спускались, капая кислотой, огромные пауки, размером с добрую лошадь. Их тела были покрыты хитиновыми пластинами, а жвала щёлкали, будто ножницы. Кислота, стекающая с их лап, шипела, разъедая камень.

Фелиций поднял брови, потрясая клинками:

— Ах ты ж, больной ублюдок! — прошипел он. Его голос дрожал от ярости и отвращения. Он сделал шаг назад, оценивая размеры чудовищ. — Это что ещё за твари?

— Убейте их! Отправьте к праотцам! Если Даремт не пришел — развлечемся с этими клоунами! — прогремел голос мага. Его губы искривились в жестокой усмешке, а глаза сверкнули торжеством.

— Проклятье! — выдохнула Энаэль и пустила стрелу в ближайшего паука-переростка. Стрела вонзилась по самое оперение в мерзкий глаз, из-за чего паук заверещал, забрызгал слюной, но продолжал спускаться.

— Убери лук. Настало время научиться бою на кинжалах, — Фелиций изготовился к бою. — Представь, что это манекены, держи кинжалы… — он стремительно бросился вперёд и принял жвала первого паука на клинки. Лезвия заскрежетали о хитин, высекая искры. — … увереннее, так, словно это часть руки, и бей так, словно это кулак!

— ЧТО? — взревела девушка, едва успев увернуться от лап второго паука, которые, еще бы чуть-чуть и опрокинули её.

Она заложила отцовский лук за спину и рывком вытянула клинки. Взмахнула обоими по наитию, словно ножницами, отрезая пару безобразных ножек паука. Противник потерял равновесие, упал, пропахав землю юзом, но тут же начал подниматься.

— Ты с ума сошёл? Всё тебе просто, словно мы не пауков, а цветы косим!

— Это легко, — прорычал парень, борясь с одним, особенно здоровым паукообразным. — Только на практике ты сможешь добиться совершенства.

Энаэль почувствовала, как адреналин разливается по венам, заглушая страх. Она приняла очередного членистоногого на оружие — скрестила кинжалы перед собой, а затем сделала выпад и всадила оба клинка в голову паука. Тварь задергалась в конвульсиях, издавая пронзительный визг.

— Хм, а это правда, просто, — задумчиво протянула Энаэль. Её дыхание участилось, но в движениях появилась уверенность. Она парировала атаку следующего противника, ловко уворачиваясь от жвал.

— Ага, я же тебе говорил, — прорычал Фелиций, парируя удар жвал одним клинком и пронзая врага другим. Его движения были отточенными, почти танцевальными. Он крутанулся на месте, разрубая паука напополам, и тут же развернулся к следующему противнику. — Только не давай им себя окружить!

Энаэль быстро вошла в раж, словно танцуя какой-то ритмичный танец смерти. Она отсекала конечности и жвала, уворачивалась от кислотных брызг, парировала атаки.

Один из пауков что-то заверещал и плюнул в девушку нечто похожее на паутину, которая сверкнула неестественно зелёным. Кислотная сеть летела прямо в лицо.

Эльфийка кувыркнулась в сторону и в развороте взмахнула обоими клинками так, как делала это с первым пауком. Лезвия рассекли последнего врага на две неровные половинки. Тварь рухнула с потолка, разбрызгивая кислоту.

Всё, наконец, стихло. В воздухе повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь их прерывистым дыханием защищающихся и тихим шипением кислоты, разъедающей камень. Энаэль выпрямилась, вытерла пот со лба и огляделась. Пол пещеры был усеян останками чудовищ, стены испещрены царапинами, а воздух пропитан запахом разложения и металла.

Но передышка не была долгой…

— *Vêg nár en lach!* — крик эрлессы вновь заставил пещеру содрогнуться. Стены затряслись, с потолка посыпались камни.

— Да что же это такое? Когда это кончится? — взвыл Фелиций, поднимая клинки. — Может, всё-таки, убьём уже эту командиршу, а?

— Погоди. Эрлесса Криста! Вы слышите? Прекратите это! Мы пришли, чтобы… — Энаэль не успела договорить.

Земля задрожала под ногами. Энаэль и Фелиций переглянулись. А секундой позже кто-то или что-то схватило девушку за ногу и резко потянуло вниз. Эльфийка вскрикнула и, потеряв равновесие, упала. Она нашла глазами своего обидчика: рыча и клацая гнилой челюстью, глядя злыми, светящимися глазами, мертвец в ржавой кирасе упорно тащил её ближе к соратникам, которые не спеша вылезали из земли, отряхиваясь и вынимая мечи. Их движения были медленными, но неумолимыми, словно сама смерть поднималась из-под земли.

— Отцепись! — девушка дёрнула ногой, ударив обидчика каблуком в голень. Костлявая рука разжалась, когда скелет потерял равновесие, и Энаэль смогла подняться на ноги. Она чертыхнулась назад, выставив кинжалы перед собой.

Эльфийка оглядела грот. Оказывается, пока она беспомощно брыкалась на земле, в пещеру вбежал эрл Даремт — в сверкающей серебряной броне и с двуручным мечом, а за ним — пара магов с посохами. Фелиций подошёл к девушке, закрывая её собой от мертвецов, которые стояли неподвижно, будто ожидая приказа.

— Даремт! Какой сюрприз! Чем старее, тем мудрее, как завещала природа, — чуть нараспев протянул некромаг.

Его голос звучал издевательски, в глазах, металлически — серых напрочь отсутствовала тревога.

— Кейбл, — прорычал Даремт, сжав двуручник в латных перчатках. Его лицо исказилось от ярости. — Наконец-то ты показываешь своё истинное лицо.

— Всё-таки ты не стал дожидаться смерти этих двоих, а решил пасть сам. Как благородно! — Кейбл похлопал в ладоши.

— Пришёл спасти жену? А мою — то, ты не смог!

— Я пытался сделать все правильно, — зарычал Даремт, — ты прекрасно знаешь всю историю.

— Историю пишет победитель, — сухо проговорил некромаг, — Я сам расскажу все твоим подданным горожанам, когда ты и твои никчемные заступники полягут тут.

— Ты умрёшь здесь, старый друг, — спокойно проговорил эрл. Его голос звучал твёрдо, но в нём чувствовалась боль. — Со мной правда.

Кейбл засмеялся. Смех его пробежал по всей пещере, отскакивая от стен и возвращаясь в уши людей, что сейчас находились здесь. Он звучал безумно, почти истерично.

— С тобой правда? — он утёр слёзы, всё ещё маниакально посмеиваясь. — Да где же с тобой? Ты не смог защитить мою жену. Помнишь? Я завладел твоей. И ты ей не сможешь помочь. Чары настолько сильно проникли в её плоть, что ей ничем не помочь. Нет здесь твоей правды.

— Пусть и так. Но ты погубил людей намного больше, — Даремт скосил взгляд на мертвецов. — Ты стал монстром, Кейбл. Тем, кого сам когда-то презирал.

— Ой, не считай. Я сам сбился. Может, тут ты прав. Но всё же вся эта затея была направлена на тебя. И вот ты здесь. — Некромаг сделал шаг вперёд, его пальцы начали светиться зловещим зеленым светом.

— Давай покончим с этим. Ты и я. Мы начали это — мы и закончим, — эрл поднял меч и сжал его в руках.

Маг отвернулся, равнодушно махнув рукой в его сторону.

— Достаточно слов. Друзья, — он обратился к мертвецам, — Убейте их всех!

Мертвецы кинулись в атаку. Энаэль сдернула с плеча лук и наотмашь выстрелила в Кейбла, но тот вовремя огородился от атаки зеленым силовым полем, из-за чего стрела упала, так и не достигнув цели.

— Проклятье! — выругалась эльфийка. — Фелиций, отвлеки мёртвых, я пойду напролом. — Она вытянула кинжалы, её глаза сверкнули решимостью.

— Но… — начал было Фелиций.

— Делай, что я говорю! — отрезала Энаэль.

Фелиций вытянул оружие и бегом, с диким воплем, отправился прорубать ряды мертвецов. Маги эрла обжигали их огнём из посохов — языки пламени с шипением поглощали гнилые тела. Даремт и Энаэль направились к некромагу.

— Что, старый трюк с отвлечением внимания, да? — хохотнул Кейбл и поднял руки к верху. Из — под земли вырвались столпы зеленого огня, холодного, будто не из этого мира.

— Зараза, — чертыхнулась эльфийка. Летящая на всех парах, она чуть не попалась в смертельную ловушку.

Эрл Даремт бесстрашно пробежал сквозь завесу зеленого пламени. Оно, как оказалось, было безвредным, иллюзорным. Но, откуда девушке было это знать изначально? Вероятно, и эрл не знал, он просто рванул к противнику наудачу. В секунду поднявшись с холодной земли грота, Энаэль поспешила вперед.

Даремт замахнулся и разрубил силовое поле мага мечом. Глаза эрла налились кровью от ярости.

Эльфийка, воспользовавшись моментом, пока некромаг в замешательстве чуть ослабил защиту, вытянула оба кинжала вперёд и прыгнула на него. Лезвия вонзились в грудь полностью — с тихим, леденящим слух хрустом. Они прорвали ткань балахона и вошли глубже, пробивая преграду плоти и кости. Кейбл на мгновение замер, его глаза расширились от удивления, а зрачки дрогнули, словно пытаясь осознать произошедшее. Затем он чуть ухмыльнулся, и по губам заструилась кровь — алая, почти чёрная в полумраке пещеры. Под весом девушки маг упал на спину, ударившись затылком о каменный пол с глухим стуком.

— Молодец, — прошептал некромаг. Его голос прозвучал неожиданно спокойно, почти ласково, будто он не умирал, а завершал какой-то важный урок для здесь собравшихся.

Эльфийка дрожащими руками вытянула оружие из тела поверженного и оглянулась. В тот же миг мертвецы, только что наседавшие на Фелиция и магов с неумолимой настойчивостью, рассыпались в прах — словно песок. Их мечи и доспехи с глухим стуком упали на землю.

Следом за этим послышался глухой шлепок — эрлесса Криста мешком упала на землю. Её тело обмякло, а ярко-голубые глаза, ещё мгновение назад полыхавшие магическим светом, теперь были просто человеческими — полными боли и изнеможения. В них больше не было ни синевы, ни безумия — только глубокая, всепоглощающая усталость и проблеск облегчения.

Маги, Фелиций и Даремт подбежали к эрлессе. Энаэль слезла с тела Кейбла и тоже медленно приблизилась к Кристе. Её ноги дрожали, дыхание все никак не могло восстановиться, в ушах звенело, а перед глазами всё плыло — то ли от усталости, то ли от накатившей волны эмоций.

— Криста… — Даремт опустился на колени, бережно поднял жену и положил её голову себе на колени. Его руки дрожали, когда он провёл ладонью по её щеке. Броня звякнула, когда он наклонился ближе, — Криста, очнись… Прошу тебя…

Все затаили дыхание. В пещере повисла напряжённая тишина, лишь где — то вдали капала вода.

— Даремт… — Криста открыла глаза, которые медленно наполнились слезами. Они скатывались по щекам, оставляя мокрые дорожки. Голос был тихим, едва слышным, словно шелест осенних листьев. — Даремт…

— Как ты себя чувствуешь? — прошептал эрл. Глаза его дрожали блеском, но он старался говорить твёрдо, уверенно, будто от силы его слов зависела её жизнь. — Всё позади. Мы здесь. Ты в безопасности. Ты свободна.

— Спасибо… Что избавили меня… От него… — прошептала Криста. Её губы подрагивали, а дыхание становилось всё более прерывистым, с каждым вдохом отдаляясь от реальности. — Я была, словно в темнице… Я кричала… Я плакала, я звала… — Она закашлялась, и Даремт крепче прижал её к себе, чувствуя, как её тело становится всё холоднее. — Но ты… ты пришёл. Я знала, что придёшь. Всегда знала…

— Я слышал тебя! — его голос сорвался на крик, полный отчаяния и любви. — Знал, что ещё не поздно спасти тебя, дорогая! Я не мог оставить тебя в его власти!

— …Поздно, любовь моя, — едва двигая сухими губами прошептала Криста. Она провела ладонью по щеке мужа. Пальцы её были ледяными, почти прозрачными, словно она уже наполовину принадлежала иному миру.

Эрл утёр свои слёзы и прижал жену к себе так крепко, словно хотел защитить её даже сейчас, когда было уже слишком поздно. Он покачивался, баюкая её, как ребёнка, и шептал что-то бессвязное — признания, обещания, мольбы остаться.

— Нет, нельзя! Так нельзя! — снова и снова качался на месте Даремт, приобнимая жену. Его голос срывался на крик. — Ты не умрёшь! Ты же самое главное в моей жизни… Без тебя всё потеряет смысл! Ты не можешь оставить меня! Я не выживу без тебя! Ты — моё солнце, моя опора, моя душа…

— Этот человек держал меня в клетке, а теперь, благодаря вам, я свободна, — прошептала Криста и улыбнулась — слабо, но искренне, и в этой улыбке было столько любви и благодарности, что сердце Энаэль сжалось от боли. — Спасибо…

Женщина закрыла глаза. Её дыхание остановилось. Даремт взвыл и накрыл жену собой, его плечи содрогались от беззвучных рыданий. Крик его был настолько душераздирающим, что даже маги опустили глаза, не в силах смотреть на эту агонию. Фелиций сглотнул ком в горле.

Энаэль утирала слёзы, которые невольно покатились по щекам. Они обжигали кожу, оставляя следы горечи. Фелиций подошёл к ней, приобнял, его взгляд был полон сочувствия. Маги понурились, опустив посохи. Даже в их глазах читалась скорбь — они ведь знали эрлессу много лет.

Как же смерть безразлична к живым, думалось девушке. Смерти все равно на то, что человек нужен здесь среди живых, что он любит и любим. Она просто забирает и не спрашивает разрешения.

— Простите нас, эрл Даремт, — пробормотал Фелиций, его голос звучал хрипло, прерываясь от волнения. — Мы не смогли уберечь её… Мы опоздали.

Даремт кивнул, поглаживая мертвую жену по волосам. Его лицо скривилось от боли, и он махнул рукой, не спуская взгляда с бледного лица Кристы.

— Спасибо вам… Теперь уходите. Оставьте меня с моим горем…

Глава 5

Сколько ты стоишь?

Лорендас, 21 числа месяца Последнего Зерна

Завершался очередной день, и ночь неспешно, почти осторожно, накрывала Арамас своим бархатным покрывалом. Первые звёзды робко проступали на тёмно-синем полотне неба. Воздух наполнялся прохладой, а где-то вдалеке слышался крик ночной птицы — одинокий и протяжный, будто напоминание о том, что мир не спит даже в сумерках. Лёгкий ветерок шевелил листву, шепча что-то таинственное, а в траве уже зажигались первые светлячки — крошечные живые фонарики, мерцающие в наступающей темноте.

Энаэль остановила кобылу и спешилась, чувствуя, как усталость пробирается в каждую мышцу. Лошадь фыркнула, переступила с ноги на ногу и тихонько заржала, будто спрашивая: «Ну что, отдыхаем?» Девушка похлопала её по шее, прошептала пару ласковых слов и принялась расседлывать.

Фелиций уже привязывал своего скакуна к ближайшему дереву. Он бросил короткий взгляд на Энаэль, но ничего не сказал. В его глазах читалась та же усталость, что и у неё, но ещё и какая-то затаённая тревога, которую он старался не показывать.

Эльфийка всё ещё не могла забыть минувшие события. Встреча с некромантом, так жаждавшим справедливости, верша месть… Но справедливость ли это? В её понимании — нет. Месть не вершит справедливость, она лишь множит боль. Может, она просто не была на месте этого мага? Или, как обычно, ищет ясный путь для каждого потерянного, даже если этот путь ведёт в пропасть? Перед глазами снова всплыло лицо Кейбла — искажённое горем и яростью. А будет ли она чувствовать себя также, когда найдет убийц отца и сестры? Ответа на этот вопрос она себе дать не могла.

— Эн, тебе нехорошо? — Фелиций перестал раскладывать припасы на ещё горячий от дневного зноя камень и подошёл к девушке. Он положил руку ей на плечо, и от этого простого жеста на мгновение стало легче.

Энаэль моргнула, возвращаясь в реальность. Перед глазами всё ещё стояли образы. Она глубоко вздохнула, вдыхая запах леса и отгоняя неприятные картины перед глазами.

— Просто думаю обо всём этом. Расставляю всё на полочки, — ответила она, пытаясь улыбнуться, но улыбка вышла натянутой.

— Уборка, значит, — хмыкнул Фелиций, стараясь разрядить обстановку.

— Уборка, — кивнула девушка и, не сдержавшись, обняла парня. Его плечо казалось тёплым и надёжным.

— Я всегда буду рядом, обещаю, — прошептал Фелиций, слегка поглаживая её по спине.

Энаэль на это ничего не ответила, лишь слабо кивнула. Вообще, пережив встречу с некромагом по имени Кейбл, девушка снова впала в уныние. Она всюду видела лица своих погибших родных — Барлина, Беллы… Их улыбки, их голоса, их руки, когда они обнимали её. Вот её приёмный отец, смеётся, рассказывая очередной анекдот. Вот Белла, её сестра, плетёт венок из полевых цветов и предлагает надеть его Энаэль.

Нынче днём, когда они покинули Эндор, она прятала глаза от Фелиция, рассматривая небеса. Облака плыли очень низко — грузные, тучные, словно огромные кучи молочной каши, они медленно и величаво катились по небосводу, то заволакивая солнце, то вновь отступая. Эльфийка много раз видела такое. Каждую осень. Но не было в них ничего печального и вместе с этим величественного. Не было — до сегодняшнего дня.

Фелиций не приставал к эльфийке, не дергал ее, давай время побыть наедине с собой. Он вообще, казалось, был погружён в свои мысли, равно как и Энаэль. Может, тоже вспоминал свою семью? Или думал о том, что ждёт их впереди? Его пальцы машинально перебирали травинки, а взгляд был устремлён куда-то вдаль, за горизонт.

Страшные, ужасные вещи творятся в мире. Это лишь в книгах для детей и в рассказах для них от взрослых всё хорошо и радужно. По лесам скачут волшебные пони, феи помогают заблудившимся детям, волшебники творят свои заклинания лишь для добра — именно такое рассказывают многие люди своим детям. Но реальность очень жестока.

Знающие и опытные родители воспитывают своих детей с учением, что всё имеет свою цену. Везде может быть подвох. Ничего не бывает бесплатно. Смерть действительно может настигнуть любого нежданно. В темноте обязательно есть, кого бояться. Конечно, в мире не везде сплошное зло. На каждую чёрную полосу найдётся белая. Но все же… Всегда нужно быть готовой ко всему, но, одновременно, радоваться каждому прожитому дню. Ценить окружающих людей, дарить и получать любовь и заботу.

Именно так Барлин Холдинсон и воспитывал своих дочерей. И Энаэль, размышляя о недавних событиях, сейчас от души его благодарила. Она хотела бы, если это было бы возможным, обнять его, прижаться щекой к мозолистым рукам и сказать ему всё. Наверстать всё, что было некогда упущено. А ещё — взять Беллу под руку, прихватив корзинки, и отправиться на опушку леса, собирать малину и объедаться до отвала морошкой. Они бы смеялись, шутили, а Белла обязательно бы придумала какую-нибудь забавную историю про лесных духов. Куда же всё это пропало…

И сейчас Фелиций и Энаэль остановились на небольшой поляне у дороги. Они развели костёр — его пламя весело заплясало, отбрасывая причудливые тени. Искры взлетали вверх, словно маленькие звёзды, стремящиеся к своим большим сёстрам на небе. Запах дыма смешивался с ароматом хвои и полевых трав, создавая тот самый запах, который Энаэль всегда ассоциировала с безопасностью.

Расставили палатку, вскипятили воду и умылись в ключе, чья вода оказалась ледяной и бодрящей. Капли стекали по лицу, остужая разгорячённую кожу. А после всего — в полном молчанье поужинали вяленым мясом и орехами в меду. Мёд оставлял сладкое послевкусие, напоминающее о доме.

Вокруг было тихо. Ни волк не взвоет, ни кузнечик не заскрипит. Лишь изредка слышался шорох листьев — будто кто-то осторожно пробирался сквозь лес. Энаэль невольно вздрогнула, но тут же успокоила себя: это всего лишь ветер. Или, может, какой-нибудь зверёк — ёж или белка.

Удобно пристроившись на плече Фелиция, Энаэль торопливо делала заметки в своём личном дневнике. Света от костра было достаточно, да и сама ночь была светла — две луны в абсолютном зените глядели на Фаворн, словно глаза какого-то доброго великана, наблюдающего за путниками с небесной высоты. Их мягкий свет серебрил траву, превращая её в сказочное покрывало.

Делая заметки, Энаэль не опасалась, что Фелиций будет как-то подглядывать. Почему-то она решила, что его самого занимают мысли не легче. Оглядев исподлобья своего возлюбленного, девушка поняла, что так оно и есть. Фелиций задумчиво крутил в руках травинку, то и дело вздыхая. Возможно, он вспоминал своих родителей, как и Энаэль. Возможно, думал о предстоящем походе в Харасту. По его хмурому лицу было трудно что-то угадать, так что девушка уткнулась в свои записи.

Она очень подробно записала в него все события, что произошли с ней за последние несколько дней, вложила в эту запись всю свою печаль и горе, ведь: «Бумага все стерпит» — так говорила всегда сама себе эльфийка.

Энаэль не знала, сколько прошло времени, прежде чем она закрыла дневник, аккуратно захлопнув кожаную обложку. Пальцы слегка дрожали, и она сжала их в кулак, пытаясь унять дрожь. Она поглядела на Фелиция. Парень уснул, опершись о камень спиной. В руках его была всё та же травинка, что он крутил весь вечер. Она уже пожухла, скукожилась и этим всем напоминала о том, как скоротечна жизнь. Как она мимолётна.

Да и вообще, оглядываясь назад, на свою жизнь, Энаэль никак не могла взять в толк. Вот, буквально недавно, казалось, она бегала по залу таверны с куклами и плюшевым зайцем. Заяц был потрёпанным, но она его обожала. Белла, будучи маленькой, тогда смеялась: «Эн, он же страшный!» А она отвечала: «Зато он мой!»

А сейчас уже она — высокая и взрослая. Куклы заменились на оружие, сарафаны и платья — на доспехи. Быстро время летит. И ведь не остановить его. Она вспомнила, как Барлин однажды сказал: «Время — как река, Эн. Оно течёт только вперёд. Можно плыть по течению, можно грести против, но вернуться назад, в тот момент, когда эта новая вода в реке была той самой водой — нельзя».

Ход мыслей прервал шум листвы где-то слева от их стоянки. Эльфийка дёрнула головой и попыталась всмотреться в темноту. Но свет костра не позволял этого сделать в полной мере. Тени плясали, сливались, принимали странные формы — то волка, то птицы, то чего-то совсем неведомого.

Продолжая всматриваться в место шума, Энаэль медленно поднялась на ноги, подтягивая древко лука за собой. Не отрываясь от куста, она вытянула стрелу, наложила на оружие и направилась в ту сторону. Её шаги были почти бесшумными — годы тренировок и охоты в лесу научили её двигаться бесшумно.

— Кто здесь?

В ответ — тишина. Та же тишина, что и вообще была вокруг. Энаэль обернулась на лагерь, высматривая Фелиция. Тот мирно спал у костра, свернувшись калачиком. Его дыхание было ровным, лицо расслабленным — во сне он выглядел почти мальчишкой, без той тяжести, что днем лежала на его плечах.

Девушка перевела взгляд вперёд, натянула стрелу и направила её на куст, силясь хоть что-то разглядеть.

— Выходи, иначе… — она не успела договорить.

В воздухе что-то свистнуло, а после эльфийка ойкнула, ощутив, что в правое бедро что-то больно впилось. Девушка опустила взгляд и обнаружила, что в ноге её торчала тонкая игла, слегка переливающаяся в свете лун голубоватым, почти призрачным светом. Тонкий металл был холодным на ощупь, когда Энаэль тронула его пальцем, а потом резко выдернула иглу, чуть охнув от неприятного ощущения.

А когда эльфийка снова устремила взгляд на куст, в глазах всё поплыло. Мир пошатнулся. Вместе с этим появилась секундная тошнота, а после этого веки закрылись. Энаэль даже не почувствовала, как упала навзничь на сырую от росы траву.

#######

Очнулась она от мерной качки и пронзительного скрипа несмазанной телеги. Энаэль, медленно разлепив тяжёлые, словно налитые свинцом веки, хотела было потереть ушибленный накануне затылок, но не смогла даже дёрнуть рукой: они оказались связаны чем-то жёстким и упругим, напоминавшим животную жилу. Верёвка — если это вообще была верёвка — стянула запястья крест-накрест с такой силой, что даже малейшее движение отдавалось тянущей болью.

Энаэль сглотнула ком в горле, пытаясь унять нарастающую панику. Она огляделась. Помимо неё в телеге сидели ещё трое мужчин и три женщины. Первые — избитые, вторые

— измождённые, но и те, и другие смотрели на друг друга глазами, искажёнными страхом и отчаянием. Одежда на них была изношенная, потрёпанная, опоясанная простыми бечёвками.

— О, и ты, наконец, очнулась, — раздался чистый голос одного из мужчин. Он повернулся к ней, и Энаэль невольно вздрогнула: у него были пронзительно — голубые глаза и острые уши. Голова его была выбрита налысо, а на щеке виднелся свежий шрам.

— Ты… эльф? — проговорила Энаэль, оглядывая лысого с ног до головы. Голос её дрожал, выдавая волнение. Она впервые видела кого-то из своей расы.

И у Создателя было свое чувство юмора…

— Мы все здесь эльфы, — тихо, почти шёпотом, отозвался второй мужчина, сидевший рядом. У него был нос с лёгкой горбинкой и тёмные, запавшие глаза. Он говорил так, будто каждое слово давалось ему с трудом.

Энаэль кивнула, всматриваясь в лица своих невольных попутчиков. Лысый эльф хмуро смотрел вперёд, на погонщика, его кулаки были сжаты. Второй, черноволосый, с горбатым носом, был довольно мускулист и хорошо сложен, но дрожал как осиновый лист — то ли от холода, то ли от страха. Его взгляд метался по сторонам, словно он искал выход, которого не существовало.

Третий эльф, зеленоглазый и длинноволосый, в котором Энаэль уловила какие-то схожие с собой черты лица, изучал её с тем же любопытством, с каким она рассматривала и его. На шее у него болтался странного вида кулон — круглый, серебряный, отливающий холодным блеском в лучах восходящего солнца. Энаэль почувствовала, как внутри что-то ёкнуло: этот медальон был очень похож на тот, что сейчас был спрятан под её нагрудником. Совпадение? Или знак?

— Куда нас везут? — хрипло произнесла девушка, обращаясь ко всем сразу. Её голос прозвучал слишком громко в этой гнетущей тишине.

— Известно куда. На убой. Куда же ещё, — пискнула одна из женщин, широко распахивая серые глаза. Она была худой, с ввалившимися щеками и спутанными волосами. — Видишь вон того человека?

Она кивнула на мужчину, ехавшего верхом на кобыле, которая тянула за собой их телегу. Это был орк. Настоящий, зеленокожий орк, широкоплечий и мускулистый. Он обернулся как раз в тот момент, когда эльфийка изучающе оглядывала его: из-под верхней губы торчали клыки, за спиной висела здоровенная секира, лезвие которой тускло поблескивало на свету. Его взгляд, холодный и безразличный, скользнул по пленникам, и Энаэль невольно содрогнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.